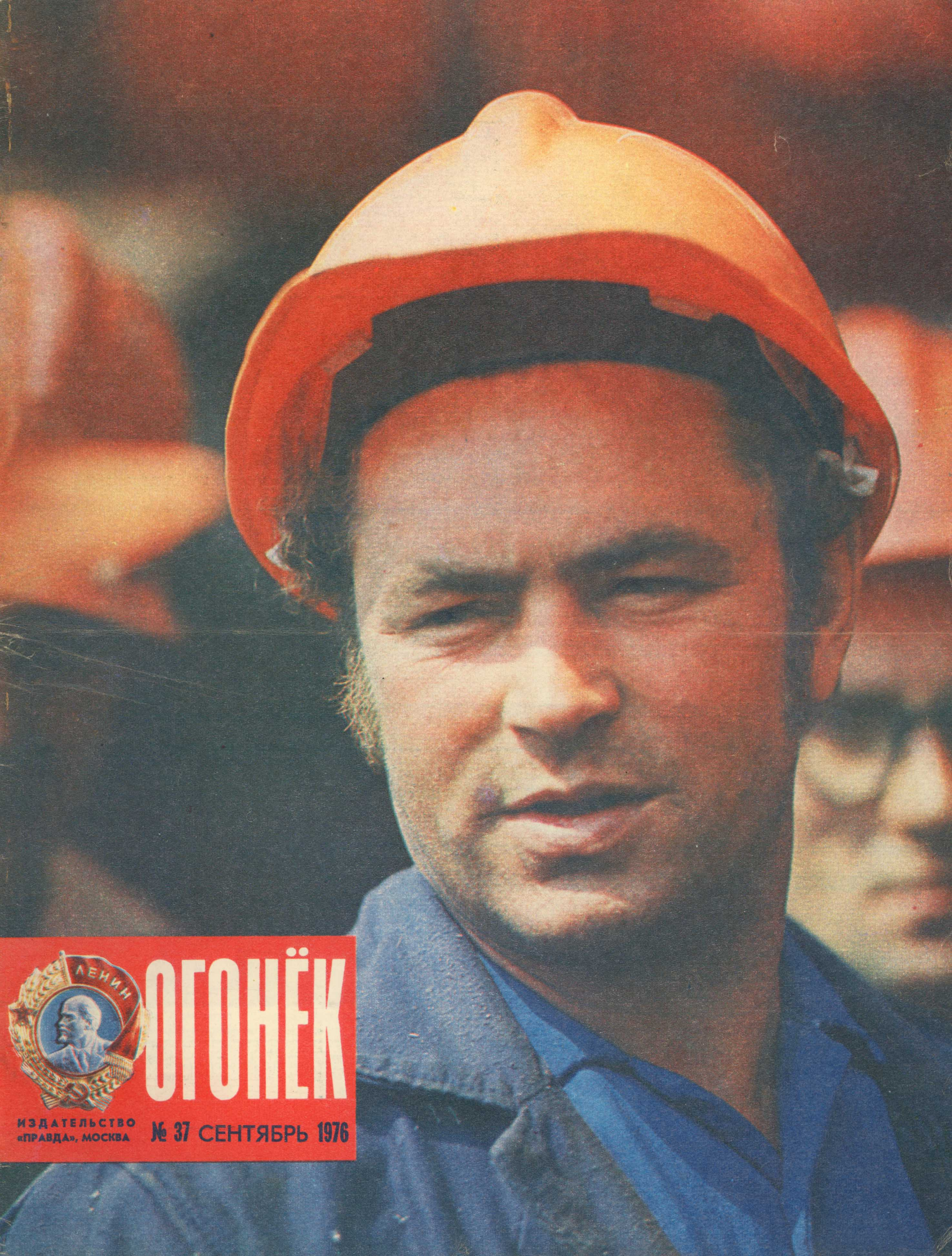

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1976

К НОВЫМ ПОБ

«ГЛАВНОЕ СЕЙЧАС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕЙ НАШЕЙ ПАРТИИ И НАРОДА И, ЕСТЕСТВЕННО, В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТОВ, ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ КАЗАХСТАНА — ЭТО ВЫПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ XXV СЪЕЗДА, ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ ДО 1980 ГОДА.

ПОДЪЕМ, КОТОРЫЙ НАМ ПРЕДСТОИТ ПРЕОДОЛЕТЬ В БЛИЖАЙШИЕ ПЯТЬ ЛЕТ, Я БЫ СКАЗАЛ, ДОСТАТОЧНО КРУТОЙ. С ТЕМ БОЛЬШИМ УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО В ЦЕЛОМ МЫ НАЧАЛИ ЕГО В ХОРОШЕМ РИТМЕ».

Из речи товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на совещании партийно-хозяйственного актива Казахстана.

2 сентября. Прибытие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в Алма-Ату.

2 сентября из Москвы в Алма-Ату отбыл Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев для участия в совещании партийно-хозяйственного актива Казахстана.

На аэродроме товарища Л. И. Брежнева провожали товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, К. У. Черненко, члены ЦК КПСС К. В. Русаков, Н. А. Тихонов, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, В. А. Голиков.

В тот же день товарищ Л. И. Брежнев прибыл в Алма-Ату.

В аэропорту товарища Л. И. Брежнева встречали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев, Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Б. Ниязбеков, Председатель Совета Министров республики Б. А. Ашимов, члены Бюро ЦК КП Казахстана, первые секретари

ЕДАМ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (2566)

11 СЕНТЯБРЯ 1976

Фото В. Мусаэльяна, В. Соболева, В. Кошевого, В. Будана (ТАСС).

обкомов партии, председатели облисполкомов, руководители министерств и ведомств республики, представители общественности.

По всему пути следования из аэропорта в город Леонида Ильича Брежнева сердечно приветствовали десятки тысяч жителей столицы Казахстана.

3 сентября в Алма-Ате состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева с секретарями областных комитетов Компартии Казахстана.

Был обсужден вопрос о ходе уборки урожая и задачах, стоящих в этой связи перед партийными организациями республики.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана тов. Д. А. Кунаев, члены Бюро ЦК КП Казахстана.

В тот же день в Алма-Ате состоялось совещание партийно-хозяйственного актива Казахстана. Был рассмотрен вопрос о ходе выполнения народнохозяйственного плана и социалистических обязательств республики на 1976 год, вытекающих из решений исторического XXV съезда КПСС.

Открывая совещание, товарищ Д. А. Кунаев сказал:

Дорогой Леонид Ильич!

Дорогие товарищи!

Мы с полным основанием считаем, что приезд к нам в республику товарища Брежнева Леонида Ильича — выдающегося деятеля нашей партии и государства — является событием огромной политической важности, радостным для каждого жителя республики, для каждого из нас.

По поручению Бюро ЦК Компартии Казахстана товарищ Д. А. Кунаев доложил о ходе выполнения поставленных в повестку дня совещания вопросов.

Слово предоставляется товарищу Л. И. Брежневу. Участники совещания встают и приветствуют Генерального секретаря ЦК КПСС бурной, продолжительной овацией.

Речь товарища Л. И. Брежнева была выслушана с огромным вниманием и неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами. Заключительные слова речи участники совещания встретили стоя, бурной овацией.

На совещании выступили первые секретари ряда обкомов партии Казахстана: Кустанайского — А. М. Бородин, Кокчетавского — Е. Н. Ауельбеков, Целиноградского — Н. Е. Кручина, Северо-Казахстанского — В. П. Демиденко, Тургайского — С. Кусаинов, Алма-Атинского — А. Аскаров, Карагандинского — В. К. Акулинцев, Джамбулского — Х. Ш. Бектурганов.

Партийно-хозяйственный актив республики единодушно принял постановление. В нем говорится: как и весь советский народ, рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция республики единодушно поддерживают и горячо одобряют ленинскую внутреннюю и внешнюю политику и практическую деятельность ЦК КПСС, его Политбюро, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, видя в ней пример беззаветного служения народу, делу укрепления мира, борьбы за торжество коммунизма.

Яркая программная речь товарища Л. И. Брежнева на совещании актива, его советы и рекомендации имеют огромное принципиальное значение в дальнейшем повышении уровня руководства хозяйственным и культурным строительством, в развитии инициативы и творческой активности трудящихся, в совершенствовании всей политической и организаторской деятельности республиканской парторганизации.

В постановлении подчеркивается, что важнейшей задачей коммунистов и всех трудящихся республики в области сельскохозяйственного производства является полное использование внутренних резервов и возможностей каждого хозяйства с тем, чтобы организованно, в сжатые сроки и без потерь провести уборку урожая и засыпать в закрома Родины не менее одного миллиарда ста миллионов пудов казахстанского хлеба.

На следующий день товарищ Л. И. Брежнев знакомился со столицей Казахской ССР. Он посетил парк, носящий имя 28 гвардейцев-панфиловцев, которые в годы Великой Отечественной войны совершили героический подвиг: отдали свои жизни, защищая Москву.

Товарищи Л. И. Брежнев, Д. А. Кунаев, Б. А. Ашимов, члены Бюро ЦК КП Казахстана возложили цветы к Вечному огню мемориала Славы советским воинам, погибшим в борьбе за свободу и независимость социалистической Родины.

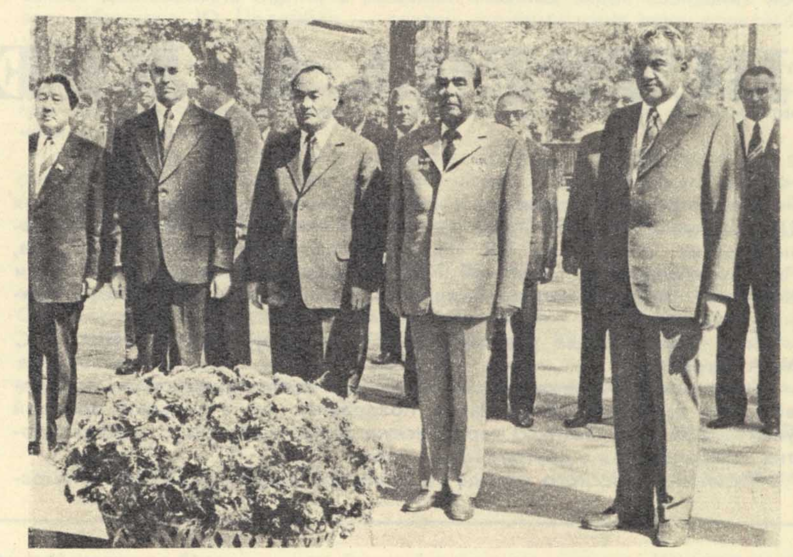
При осмотре города товарищ Л. И. Брежнев побывал в районе новостроек.

В воскресенье, 5 сентября, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отбыл из Алма-Аты. В тот же день товарищ Л. И. Брежнев возвратился в Москву.

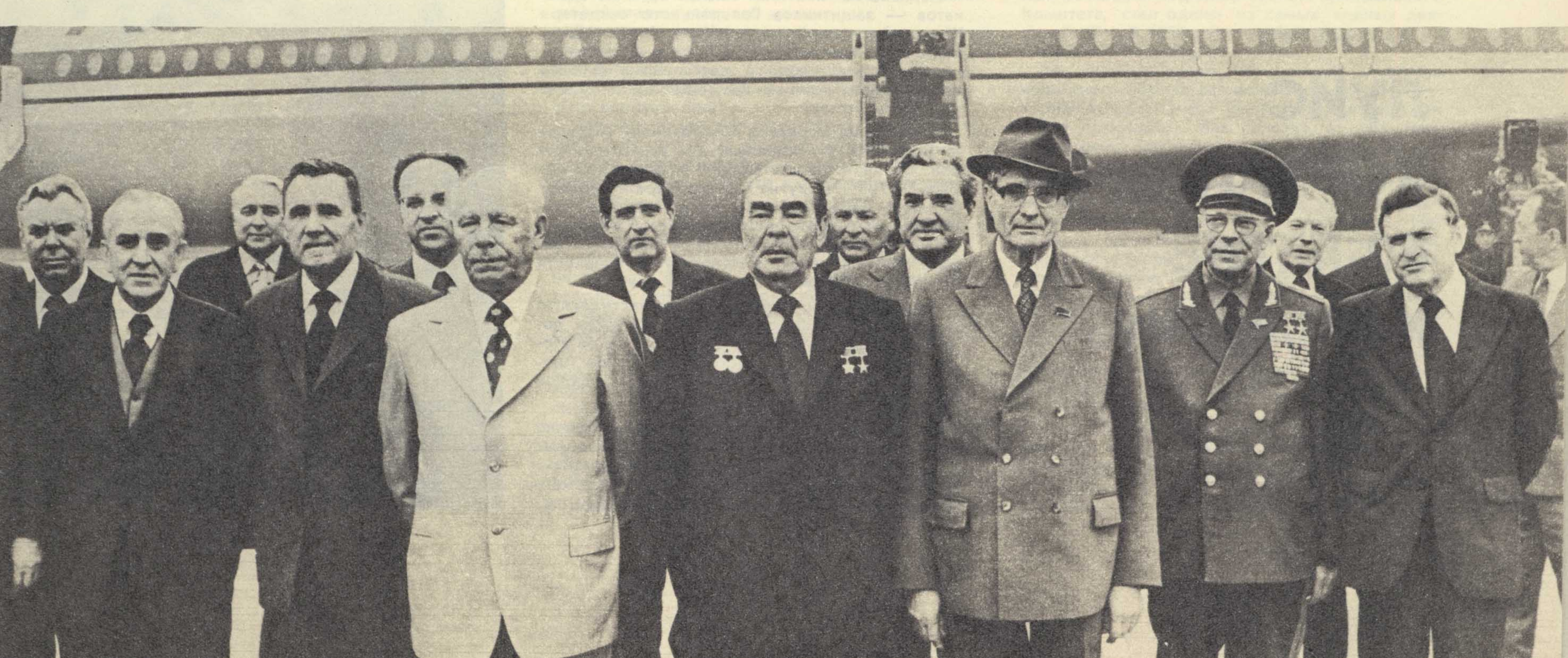

▲ Алма-Ата, 3 сентября. Совещание партийно-хозяйственного актива Казахстана. На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

4 сентября. Во время возложения цветов к Вечному огню мемориала Славы советским воинам, погибшим в борьбе за свободу и независимость социалистической Родины. ▶

Москва, 5 сентября. Встреча на аэродроме.
▼

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

6 сентября в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Премьер-Министром Лаосской Народно-Демократической Республики Кейсоном Фомвиханом, прибывшим в Советский Союз с дружественным визитом.

Во встрече принял участие член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Товарищи Л. И. Брежнев и М. А. Суслов тепло приветствовали руководителя братской партии Лаоса, поздравили его с большой победой увенчавшей многолетнюю героическую борьбу лаосского народа против империализма и внутренней реакции.

От имени лаосского народа Генеральный секретарь ЦК НРПЛ выразил глубокую благодарность КПСС и ее Центральному Комитету во главе с Генеральным секретарем Л. И. Брежневым, правительству и народу Советского Союза за разностороннюю и эффективную помощь и поддержку.

Товарищи Л. И. Брежнев и Кейсон Фомвихан с удовлетворением отметили успешное развитие советско-лаосских отношений. Обе стороны заявили о своей решимости развивать дружественные отношения и всестороннее сотрудничество между СССР и ЛНДР на принципах уважения интересов друг друга, равноправия и взаимной выгоды.

На снимке: во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и В. Мастюкова (ТАСС).

ЛУИС КОРВАЛАН — 60-ЛЕТИЕ КОММУНИСТА

Эдуардо ЛАБАРКА, чилийский публицист

Недавно из Чили был выслан один из адвокатов — защитников Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана. Этот адвокат, который тоже в свое время подвергался аресту, рассказал о встрече со своим подзащитным за решеткой концлагеря «Трес-Аламос»:

— Товарищ Корвалан по-прежнему сохраняет бодрость, и моральный дух его очень высок. Он внимательно следит за развитием событий в Чили и других странах мира и выражает свою непоколебимую уверенность в том, что фашизм — это лишь временный период в жизни страны. Рабочий класс и чилийский народ, усиливая свою борьбу, сумеют нанести поражение Пиночету и военной хунте.

Луис Корвалан встречает свое шестидесятилетие в тесной камере вместе с другими политическими заключенными. Камера эта во втором этаже бывшего женского монастыря, превращенного хунтой в концлагерь с колючей проволокой и дозорными вышками.

В этом месяце Луису Корвалану не только исполнится 60 лет. 27 сентября минет еще и три года, как фашистский режим бросил его в застенок. Сейчас, находясь в концентрационном лагере, он, как и прежде, ос-

СЛАВНЫЙ СЫН МОНГОЛИИ

Выдающемуся партийному и государственному руководителю, видному деятелю международного коммунистического движения, Первому секретарю Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, Председателю Президиума Великого народного хурала МНР товарищу Юмжагийну Цеденбалу исполняется 60 лет.

Товарищ Ю. Цеденбал родился 17 сентября 1916 года в Убсанурском аймаке, на северо-западе Монголии, в семье бедного скотовода. С ранних лет он познал тяжелую жизнь аратов, находившихся в дореволюционной Монголии под двойным гнетом церковных и светских феодалов. «Я — сын скотовода-бедняка,— говорил Ю. Цеденбал,— смог получить образование, выполнять ответственную партийную и государственную работу благодаря лишь нашей народной революции, благодаря нашей народной власти, которые широко открыли двери перед трудящимися к современной культуре и науке». После окончания начальной школы он выезжает на учебу в Советский Союз, где оканчивает рабочий факультет и финансово-экономический институт в Иркутске.

Вернувшись на родину, товарищ Цеденбал активно включился в борьбу монгольского народа за строительство новой жизни. В 1939 году он был назначен заместителем министра финансов, а затем министром финансов МНР, одновременно занимая пост председателя правления Монгольского торгово-промышленного банка.

В 1940 году партия оказала товарищу Цеденбалу высокое доверие, избрав его Генеральным секретарем Центрального Комитета МНРП. Находясь на этом ответственном посту до 1954 года, он уделял большое внимание идейно-организационному укреплению партии в ходе осуществления задач социалистического строительства.

В годы второй мировой войны товарищ Цеденбал вместе с другими руководителями партии и государства возглавлял развернувшееся в МНР всенародное движение за организацию помощи Советской Армии, неоднократно выезжал на фронты Великой Отечественной войны. Являясь в тот период заместителем главнокомандующего и начальником политуправления Монгольской народной армии, он много сделал для укрепления обороноспособности страны, повышения боевой и политической подготовки армии, обеспечения ее активного участия в разгроме японского милитаризма.

В 1958 году товарищ Цеденбал избирается Первым секретарем ЦК МНРП. С 1952 по 1974 год он занимал пост Председателя Совета Министров МНР, а в июне 1974 года был избран Председателем Президиума Великого народного хурала МНР. Товарищ Цеденбал внес большой вклад в выработку и осуществление программы коренных социально-экономических преобразований в стране, превращение ее из отсталой сельскохозяйственной в аграрно-индустриальное государство с развитой экономикой и передовой культурой.

В докладах и выступлениях товарища Цеденбала на съездах МНРП и пленумах ЦК МНРП, в его статьях и книгах отражена большая творческая деятельность партии в решении сложных задач созидания нового общества. Ю. Цеденбал — доктор экономических наук, почетный член Академии наук МНР.

Советские люди хорошо знают товарища Цеденбала — верного друга нашей страны, последовательного и стойкого борца за упрочение единства социалистических стран и международного коммунистического движения.

«Всемерное развитие и укрепление дружбы и сотрудничества с родиной Октября — великим Советским Союзом были и остаются жизненной потребностью и объективной необходимостью для нашей страны»,— заявил с трибуны XVII съезда МНРП руководитель монгольских коммунистов.

За большие заслуги перед родиной Ю. Цеденбалу присвоено звание Героя МНР и Героя труда МНР. Он награжден правительством СССР орденами Ленина, Октябрьской Революции и Кутузова.

Советские люди от души желают товарищу Ю. Цеденбалу в день его шестидесятилетия крепкого здоровья, долгих лет жизни и больших успехов в плодотворной деятельности на благо монгольского народа.

В. ВАСИЛЬЕВ

Фото Г. Копосова

тается беспощадным обвинителем режима, залившего кровью нашу страну.

Об этом свидетельствуют его заявления, сделанные в июне итальянскому журналисту Джан-Джакомо Фоа, которому удалось проникнуть в лагерь. В интервью, опубликованном в итальянской газете «Коррьере делла сера», товарищ Корвалан разоблачил деятельность хунты — многочисленные «исчезновения» неугодных властям людей, пытки в застенках пиночетовской охранки — ДИНА. Без вести пропали руководители коммунистической партии и ее молодежной организации Виктор Диас, Марио Саморано, Хорхе Муньос, Хосе Вайбель и другие патриоты.

«Мир должен знать, что в нашей стране палачи продолжают расправу с патриотами»,— заявил товарищ Корвалан.

Достойное и мужественное поведение вожака чилийских коммунистов служит примером для чилийцев, это вызов диктаторскому режиму, установленному в Чили в результате вмешательства империализма.

Вся его деятельность — логическое продолжение традиций великих борцов за свободу и независимость чилийского народа. С детских лет Луиса Корвалана, сына простой крестьянки и сельского учителя, волновала судьба своего народа. Неустанная деятельность на благо людей стала делом его жизни.

В течение нескольких десятилетий чилийцы привыкли видеть Луиса Корвалана на передовых рубежах. Став в 1932 году членом Коммунистической партии Чили, он отдавал общему делу все свои силы.

Чилийцы знали его еще совсем молодым, в 1937 году, когда он активно работал в Молодежном освободительном союзе — широком антифашистском фронте чилийской молодежи того времени. Чилийцы знали его как главу кампании солидарности с народом Испании. Со дня нападения гитлеровцев на Советский Союз и до самого поражения фашизма он вел неустанную борьбу за сближение чилийского народа с первой страной социализма.

Затем пришли тяжелые для чилийского народа годы, когда на рабочий класс и прогрессивные силы обрушились репрессии. Луис Корвалан перешел тогда в подполье. В те же годы при его участии возникают десятки подпольных изданий, тогда же была напечатана и подпольно распространена по всей стране знаменитая поэма чилийского коммуниста Пабло Неруды «Всеобщая песнь».

Когда чилийскому народу удалось легализовать коммунистическую партию, Луис Корвалан, бывший в подполье членом Центрального Комитета, стал одним из самых видных деятелей КПЧ. В 1958 году он был избран ее Генеральным секретарем.

Все чилийцы знают, что мощное движение чилийского народа за социальный прогресс — в значительной мере результат деятельности Луиса Корвалана. Как сенатор, он объездил всю страну. Как политический деятель, он настаивал на создании широкого политического фронта. Товарищ Корвалан принимал самое активное участие в разработке единой программы, которая стала программой блока Народного единства. В январе 1970 года Луис Корвалан объявил перед тысячами чилийцев, что прогрессивные силы, объединившиеся в Народном единстве, приняли решение избрать кандидатом в президенты доктора Сальвадора Альенде. Успехи правительства Народного единства, его незабываемый трехлетний опыт неразрывно связаны с именем нынешнего узника «Трес-Аламос», которому 14 сентября исполняется 60 лет.

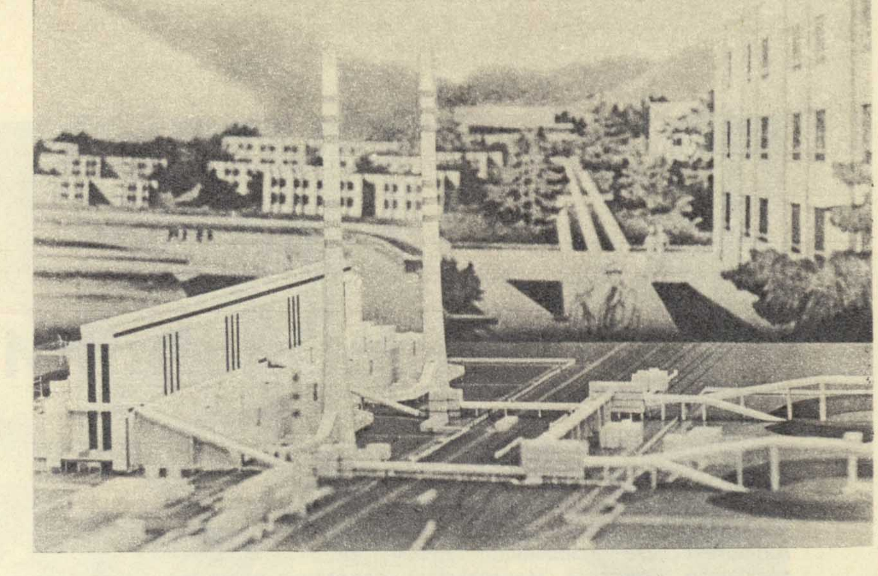
Чилийский народ, а вместе с ним и все демократы мира требуют немедленного освобождения Луиса Корвалана.

Фото Дм. Бальтерманца

ГАЛАКТИКА КАТЭК

«РАЗВЕРНУТЬ РАБОТЫ ПО УСКОРЕННОМУ СОЗДАНИЮ КАНСКО-АЧИНСКОГО ТОПЛИВНО - ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА...»

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Такой будет Березовская ГРЭС.

адреса великих свершений

Ю. ЛУШИН, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Планерка.

В Назарове он виден отовсюду, с любой улицы. Стрела его, небрежно протыкая небо, торчит над крышами домов, к чему местные жители уже привыкли. Но приезжий обязательно остановится изумленный и спросит: «Что это?» И ему с охотой, а то и с некоторым недоверием (неужели не знает, притворяется, наверное?) популярно объяснят, что это монтируется самый мощный на континенте шагающий экскаватор — стокубовый. И даже не монтируется, а уже смонтирован, там идут пусконаладочные работы, и вот-вот гигант сделает первый свой шаг...

Я подходил к нему, а он, все увеличиваясь в размерах, словно бы отдалялся от меня. Так бывает в горах, когда идешь к вершине, а она все отступает, поднимаясь выше, к небу. И словно в горах, подойдя к нему, наконец, вплотную, я задрал голову, чтобы увидеть высшую его точку. Там, в зените, плыли облака, слегка задевая конец циклопической стометровой стрелы. Там, в зените, передвигались по стальным конструкциям крохотные фигурки монтажников, и сам себе я показался вдруг таким маленьким рядом с этим гигантом, словно Гулливер, попавший в страну великанов. Это чувство не проходило и позже...

Поднявшись по лесенкам на высоту трехэтажного дома, я вошел внутрь экскаватора. Людей не было видно, но их присутствие ощущалось повсюду. Где-то внизу дрожал лунный свет сварки, из-за огромных электромоторов слышались приглушенные голоса, стук инструмента. Вдруг дернулся и пришел в движение 75-тонный кран (такой не на всяком заводе увидишь), установленный тут для монтажа оборудования и на случай ремонта (это уже в дальнейшем). Я силился представить, как гигант сделает свой первый шаг, как мощной стальной рукой раздвинет он недра земли, обнажит угольный пласт.

Уголь по-прежнему — и в наш атомный, в наш космический век — остается самым надежным источником энергии. Это может показаться парадоксальным, но это так. США планируют увеличить добычу угля с 560 миллионов до миллиарда тонн в 1985 году, а в дальнейшем — еще в полтора раза. В нашей стране запасы угля поистине неисчерпаемы. Среди гигантских месторождений особое место занимает Канско-Ачинский угольный бассейн. Он протянулся вдоль Транссибирской магистрали почти на 800 километров и содержит, по оценкам геологов, свыше 600 миллиардов тонн бурого угля, из которых 140 миллиардов пригодны для разработки открытым способом. Мощность пласта колеблется от 7 до 96 метров — уникальное в мире явление! Для сравнения скажу, что американские капиталисты считают, что им выгодно разрабатывать открытым способом даже метровый пласт угля, спрятанный под 60-метровой мантией Земли. У нас же уголь в отдельных случаях лежит почти на поверхности. За чем же остановка? Железная дорога под боком, ставь экскаваторы и черпай из бездонной кладовой прямо в вагоны. Однако не так все просто.

Конечно, канско-ачинский уголь чрезвычайно дешев, у него невысокая зольность и минимальное содержание серы при высокой теплотворной способности — превосходные качества. Но другие его свойства озадачивают специалистов — высокая влажность, сыпучесть, коварная способность к самовозгоранию при длительном хранении.

Как же тут быть? Как обратить на пользу людям колоссальные богатства земных недр? Вот тогда у специалистов и ученых возникла простая мысль: не возить канский уголь, а сжигать его на месте в топках электростанции, получать дешевую электроэнергию и передавать ее на дальние расстояния. Так родилась идея: создать в Красноярском крае Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс — КАТЭК.

Сама мысль — сжигать уголь на месте его добычи — разумеется, не нова. Однако изюминка КАТЭКа заключается в том, что уголь будет добываться на мощнейших разрезах, сжигаться на мощнейших электростанциях, а полученная энергия будет передаваться по линиям электропередач сверхвысокого напряжения. В красноярском Доме техники мне показывали макет Березовской ГРЭС-1 — будущего первенца комплекса. Поражают воображение размеры главного корпуса длиной 700 и высотой 150 метров, высота дымовых труб — 360 метров, мощность гидроэлектростанции равная мощности крупнейшей в мире Саяно-Шушенской ГЭС — 6,4 миллиона киловатт. На этой электростанции установят турбогенераторы единичной мощности в 800 и 1200 мегаватт, а энергия будет передаваться с помощью первой в мире ЛЭП невиданной мощности и напряжения. Поражают сроки претворения в жизнь замыслов творцов нового комплекса. В самом деле, всего за 15 лет предстоит построить несколько таких ГРЭС, как Березовская-1, целое созвездие, и столько же сверхмощных угольных разрезов — до 60 миллионов тонн в год каждый. Они обеспечат в перспективе добычу 350—400 миллионов тонн угля и выработку около 60 миллионов киловатт установленной мощности. И это только первая очередь. Полная же мощность комплекса, по замыслам ученых и проектировщиков,— миллиард тонн угля и 100 миллионов киловатт энергии в год. Поистине на наших глазах рождается настоящая галактика КАТЭК.

Какой же след оставит на земле этот комплекс? Ведь буквально монбланы угля придется вынуть из недр, сжечь их. А куда девать после этого горы золы? Как сохранить окружающую среду? Какая судьба ждет привольные канские и ачинские земли, живописный Чулым, рыбные озера? Хорошо ли будет здесь человеку? Особо стоит вопрос о развитии сельского хозяйства. Расчеты показывают, что для нужд энергетики придется изъять около 60 тысяч гектаров земель. За счет чего компенсировать эту потерю? Надо ввести в землепользование целину, болота. На угольных разрезах придется в невиданных доселе масштабах вести рекультивацию земли. Как это сделать? Какую технику применять? Как обеспечить максимальную эффективность капиталовложений? Все эти и многие другие проблемы обсуждались в Красноярске на Всесоюзной научно-технической конференции, посвященной КАТЭКу. В ней участвовали партийные работники, представители Госплана и министерств СССР, известные ученые.

Уже сейчас делается и будет много делаться впредь для того, чтобы человеку хорошо жилось и работалось на землях КАТЭКа. В районе села Шарыпово строится новый современный город, рассчитанный на 200—250 тысяч жителей,— будущая столица энергетиков. Создаются новейшие специальные котлы для самого экономичного сжигания углей, пыледымоулавливающие фильтры, проектируются водохранилища с рыборазводными заводами, стадионы и дворцы культуры, установки для комплексной переработки угля, уже замышляется техника недалекого завтра и монтируется, проверяется то, что идет в дело сегодня: стокубовый шагающий экскаватор — ЭШ-100/100.

— Он, конечно, единственный в своем роде,— рассказывал начальник экипажа ЭШ-100 горный инженер Владимир Тарасович Васильев.— В нем очень много принципиально нового, поэтому постигать его характер сложно, но интересно. Погодите, скоро научим его ходить... Он, между прочим, у нас быстроход — шагает со скоростью девяносто метров в час...

— Его же черепаха обгонит,— не выдержал я и рассмеялся.

— Зря смеетесь,— возразил Васильев.— В век сверхзвуковых скоростей это действительно может показаться шагом черепахи. Но наш ЭШ-100 быстроходней, чем все более легкие шагающие экскаваторы, выпущенные до него. И в производительности ему нет равных, десяток старших собратьев за ним не угонятся. А как прост в управлении! Пойдемте покажу.

Мы вошли в кабину гиганта — просторную, полную света, с великолепным обзором. С нами шел один из машинистов экскаватора (в экипаже всего их четверо), Анатолий Шкаруба. Он привычно, как будто работал тут не один год, уселся в кресло, легко тронул хрупкий и легкомысленный с виду рычаг, затем другой.

— Вот и все,— прокомментировал Васильев,— поворот вправо, поворот влево. Есть еще несколько кнопок и две педали. Просто?

— Просто,— согласился я.

Через несколько минут, поднявшись по стальным трапам, похожим на корабельные, я стоял на самом конце стрелы, на высоте двадцатиэтажного дома. Шквальный ветер, раздувая трехметровое полотнище флага, которое снизу казалось мне детским флажком, даже не поколебал стальную громаду. Отсюда как на ладони открывался передо мной весь Назаровский разрез — настоящая лаборатория галактики КАТЭК с его шагающими и роторными экскаваторами, рельсовыми путями, длинными угольными составами. Здесь испытываются современные методы открытой добычи угля, транспортные схемы, новейшие машины, которым придется работать на КАТЭКе. Навстречу мне плыли неспешно облака, и на секунду вдруг показалось, что они застыли на месте, а стрела, на которой я стоял, плавно подалась вперед. Показалось, будто самый сильный на континенте землекоп ЭШ-100/100 сделал первый свой шаг к разрезу...

МИР ГОВОРИТ ПО-РУССКИ

Недавно в Варшаве проходил третий конгресс МАПРЯЛ — Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Итоги конгресса по просьбе «Огонька» комментирует один из его участников, доцент Варшавского университета доктор филологии Флориан Неуважный.

В Варшаве две тысячи ученых, преподавателей, методистов из 50 стран обсуждали, как они должны работать, чтобы языком родины социализма смогли овладеть школьники, студенты, ученые в разных странах нашей планеты.

В конгрессе принимали участие представители организаций МАПРЯЛ из 40 стран. Они представляли 80 тысяч преподавателей, не считая СССР. Сегодня за рубежом на урок русского языка приходят 17 миллионов 320 тысяч учеников. В Исландии его пока учат 35 человек, а в Польше — более пяти с половиной миллионов.

Об огромном внимании руководителей партии и правительства нашей страны к изучению русского языка свидетельствуют сердечные слова привета Первого секретаря ЦК ПОРП Эдварда Герека и Председателя Совета Министров ПНР Петра Ярошевича, переданные собравшимся членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП Яном Шидляком.

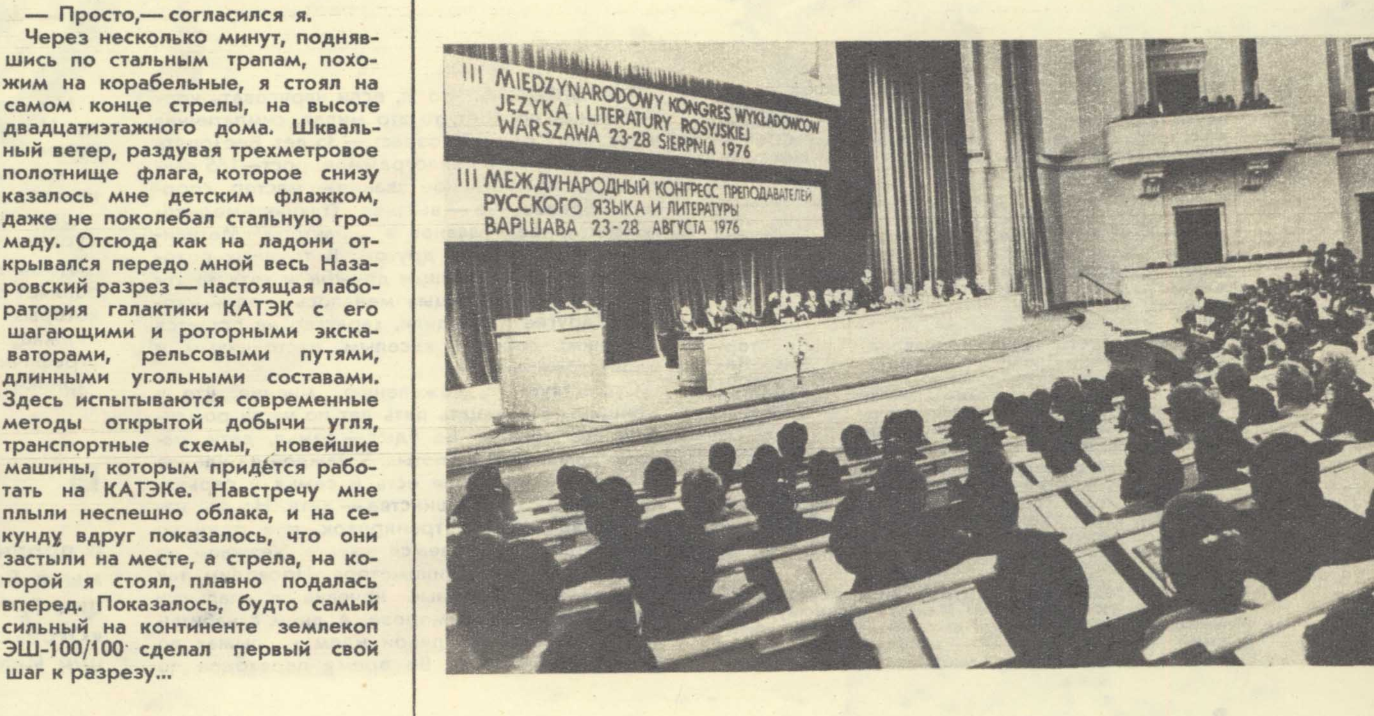
Русский язык сегодня — средство широкого международного общения, и он играет важную роль в мирном сосуществовании народов. «Именно во взаимопонимании и сотрудничестве народов советские люди видят эффективное средство разрядки международной напряженности, сохранения мира и прогрессивного развития всего человечества»,— говорится в приветствии, которое направил участникам конгресса Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Знание русского языка дает возможность расширять контакты с СССР и другими социалистическими странами, позволяет знакомиться с жизнью и культурой, прошлым и сегодняшним днем Страны Советов, подчеркивали участники конгресса.

Весьма поучительна была встреча за «круглым столом», которая состоялась под председательством генерального секретаря МАПРЯЛ профессора В. Костомарова (СССР). В оживленной беседе приняло участие 19 представителей из 13 стран. Важное замечание высказала Мильна Нантер из Франции. По ее мнению, основная причина, мешающая популяризации русского языка,— это происки противников разрядки международной напряженности, их стремление помешать объективной информации о Советском Союзе.

Встреча в Варшаве показала, как велик в мире интерес к советской культуре, к историческому опыту и сегодняшним делам СССР. Было решено продолжать накапливать и распространять опыт лучших педагогов. Именно этой теме — роли учителя и преподавателя в изучении русского языка — предполагается посвятить следующий конгресс МАПРЯЛ, который состоится в Берлине.

В зале заседаний конгресса. **Фото ЦАФ — ТАСС**

Ярко-синий купол неба, освещенный незаходящим полярным солнцем, над бескрайней ледяной пустыней Северного Ледовитого океана. И среди снежного безмолвия — шесть женщин, упрямо продвигающихся на Север навстречу испытаниям и неизвестности. Так начался в мае этого года сложнейший переход женской команды лыжниц «Метелица» от мыса Челюскина через пролив Вилькицкого по островам Северной Земли. Почти 20 дней шли девушки. Позади более 400 километров трудного пути через льды и торосы. И вот финиш. Запахом сирени встретила солнечная Москва отважных лыжниц. Кто же они, эти покорительницы арктических просторов! На этот вопрос отвечает журналистка Людмила Швецова, многие годы связанная с «Метелицей».

«МЕТЕЛИЦА» НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

Л. ШВЕЦОВА

Фото Р. ДИДЕНКО

В этом году «Метелице» исполняется десять лет. В 1966 году группа московских лыжниц под руководством мастера спорта Валентины Кузнецовой совершила первый сверхдальний пробег Москва — Ленинград. И успешно преодолела расстояние в 725 километров за 7 с половиной суток. После этого перехода и появилась «Метелица». Валя Кузнецова собрала ее из выпускниц московских вузов. Последовал пробег Москва — Смоленск, а затем СССР — Финляндия, посвященный столетию со дня рождения В. И. Ленина.

На границе финские журналисты устроили пресс-конференции. Кто-то спросил: «Не утратите ли вы женственности после такого долгого и трудного пути?» Девушки парировали: «Приезжайте в Торнио, там посмотрим». «Умеете ли вы танцевать?» «Мы будем танцевать сегодня». «Как? После 90 километров пути?!»

Неутомимость лыжниц вызвала бурю восторгов у финнов. Президент Финляндии Урхо Калева Кекконен сказал тогда на приеме, устроенном в честь советских девушек: «Метелица» установила не только замечательное спортивное достижение, но и мировой рекорд дружбы между нашими странами».

После этого перехода «Метелица» была занесена в Книгу почета ЦК ВЛКСМ.

В 1974 году лыжницы совершили сложный переход через тундру по отрогам Заполярного Урала до Северного Ледовитого океана. 300 километров по хребту Пай-Хой они прошли за 13 дней.

...1975 год. Новый труднейший переход по Таймыру, посвященный Международному году женщины. Для похода выбрали самый «женский» участок Арктики, простирающийся на 500 километров от бухты Марии Прончищевой (море Лаптевых) через мыс Восьмого марта до залива Терезы Клавенес у мыса Челюскин.

И вот новый переход «Метелицы».

Все десять лет бессменный капитан команды — Валентина Кузнецова. Мы попросили ее представить команду читателям.

В. КУЗНЕЦОВА. Что ж, если нарисовать коллективный портрет, то это милая, симпатичная женщина. Средний возраст — 35 лет. Вес (опять же средний) — 65 килограммов, рост—165 сантиметров. Спортивное звание — мастер спорта. Образование — высшее (технико-медико-гуманитарное). Главное в характере «Метелицы» — умение быть другом. В трудных походах родилась настоящая дружба, и хотя за эти годы лицо «Метелицы» менялось — одни уходили, другие приходили, характер ее остается прежним: добрым, веселым, настойчивым и целеустремленным.

Существует, к сожалению, мнение, что у женщины в тридцать пять лет по части романтики все позади. Ее удел — семья, дети, работа, домашние хлопоты... У каждой из членов команды «Метелица» есть и семья и серьезная работа. У большинства — дети. Но мы находим время для тренировок и в один из дней недели собираемся вместе. Уезжаем из Москвы за сотни километров. Проводим так называемые холодные ночевки в спальных мешках, в лесу, на морозе. А днем с набитыми рюкзаками за спиной идем на лыжах по 50—60 километров. Во время переходов по Арктике с удовлетворением думаем о том, как были полезны такие тренировки.

— А как ваши мужья относятся к увлечению Арктикой? Не возражают?

— Нет. Они помогают нам, когда мы в пути, переживают за нас.

— Какие цели преследует «Метелица» в походах?

— Если первые походы имели чисто спортивные цели — пройти на лыжах дальше, быстрее,— то теперь это уже научно-спортивные экспедиции. «Метелица» выполняет программу научно-исследовательского института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР. Каждая из нас в ходе эксперимента отвечает на сотни вопросов, связанных с психологическим состоянием и совместимостью в длительном походе в условиях Севера. И, конечно, главное — возможности организма, в данном случае женского, в экстремальных условиях.

«Метелица» мечтает о лыжных походах по Антарктиде. В Арктике мы проверяем себя, снаряжение, организацию переходов.

Экспедиции Р. Амундсена, Р. Скотта, Д. Моусона, Р. Бэрда ходили на лыжах по Антарктиде. Женщин среди них не было. Вообще Антарктида отдана, как говорится, на откуп мужчинам под обидным предлогом: «Там трудно!». В свое время так было и в Арктике. Теперь на полярных станциях работают и мужчины и женщины.

Мы надеемся покорить и суровую Антарктиду. Наши возможности хотим доказать арктическими походами. Что касается трудностей, то их, пожалуй, бывает больше в преодолении некоторых мужских предрассудков, чем в преодолении торосов, морозов, ветров и всей суровости полярных районов.

Наши надежды на поход в Антарктиду укрепляет доверие тех, программы исследований которых мы выполняем. Существенна поддержка Полярной комиссии Всесоюзного географического общества СССР. Суровые полярники дважды слушали нас и одобрили

В проливе Шокальского. * Финиш на мысе Ватутин. Руководитель экспедиции Г. К. Рожальская вручает вымпел «Огонька» начальнику полярной станции Ивану Ивановичу Чевыкалову.

программу нашей работы в Антарктиде, планы подготовки к ней.

«Метелица» дорожит мнением известных полярных исследователей — профессора А. М. Гусева, академика К. К. Маркова, доцента Г. Е. Лазарева, начальника администрации Севморпути К. Н. Чубакова, председателя Полярной комиссии капитана И. А. Мана. Мы благодарны директору Арктического и Антарктического научно-исследовательского института А. Ф. Трешникову.

— **Но вы пока еще не представили читателям команду.**

— Мне пришлось бы называть чуть не два десятка имен. Ирина Соловьева — экс-рекордсменка мира по парашютному спорту, занимается инженерной психологией. Татьяна Кузнецова, Ангелина Маркова и Галина Харламова — врачи, Антонина Егорова — радиоинженер, Ольга Грошенко — кинооператор. Все они — участницы многих переходов «Метелицы».

А теперь о тех, кто отправился на Северную Землю: Галина Рожальская — руководитель группы, мастер спорта СССР международного класса по альпинизму. Одна из немногих женщин мира, покорившая все семитысячники СССР. Она носит почетное звание «Снежного барса». Работает диспетчером на Челябинском металлургическом заводе. Галя — самая старшая в группе. У нее уже есть внучка Оксаночка.

Валентина Шацкая — штурман группы. Она метеоролог Гидрометцентра, кандидат в мастера спорта по спортивному ориентированию. В нашей команде ее зовут «Дитя природы». Валя — специалистка по Северу. Кольский полуостров, Якутия, Северная Земля — далеко не полный список ее маршрутов. Для многих почти непостижимо, как могла она одна в 1971 и 1972 годах зимой пройти тундру и выйти к Ледовитому океану. В одиночку с грузом в 50 килограммов!

Татьяна Ревтова. Радистка, инженер-конструктор. Защитила диплом на английском языке. Серебряный призер чемпионата СССР по радиоспорту. Имеет выход в международный эфир, свои позывные. Кандидат в мастера спорта по радиомногоборью.

Марина Томашевская. Завхоз экспедиции, кандидат в мастера спорта по лыжам, имеет второй разряд по альпинизму. Она инженер-акустик научно-исследовательского института Министерства путей сообщения.

Александра Рогова. Врач экспедиции. Кандидат в мастера спорта по горному туризму. У нее второй разряд по альпинизму.

Римма Диденко. Наш кинооператор и фотокорреспондент. Она участница восьми экспедиций. Инструктор по туризму. Ее специальность — инженер-конструктор.

— **И еще один вопрос: для чего вам, женщинам, потребовались сверхдальние переходы, да еще по суровой Арктике?**

— Этот вопрос нам задают часто. Я отвечу так: а зачем люди идут в горы, переплывают на лодках океаны, летят в космические дали? Человека всегда влекло в неизведанное. «Хотел бы я знать, зачем звезды светятся. Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог отыскать свою»,— так сказал Сент-Экзюпери. Можно ли ответить точнее!

...Я слушала Кузнецову и вспоминала дневниковые записи участниц перехода по Северной Земле. Мне кажется, что в этих записях ответ на мой вопрос. Я взяла отрывки из путевых дневников Галины Рожальской, Марины Томашевской, Александры Роговой, Риммы Диденко и Татьяны Ревтовой и с разрешения участниц перехода решила сделать один дневник экспедиции «Метелицы» по Северной Земле.

* * *

16 мая. День первый. Мыс Челюскина. 24.00. Наконец-то выступаем. Старт около гурия Амундсена, памятника Челюскину. Все население маленького поселка на краю нашей земли вышло провожать нас. В небо взлетают ракеты. Как-то не верится, что позади восемь дней волнений, страхов. Будет ли самолет? Какая будет погода?

Позади встречи на Диксоне, в Норильске. Но вот и мыс Челюскин остался позади...

Ступаем на лед пролива Вилькицкого. Проходим открытую, гладкую, с небольшими застругами полосу. Торосы. Идти среди них тяжело, но чувствуешь себя как в какой-то сказочной ледяной стране. Нас обступают синие, зеленые высотой до пяти метров глыбы самой причудливой формы. Чуть заглядишься, чуть неверное движение, и нарты переворачиваются. Их непросто поднимать, нужно ставить на лыжи и подтягивать руками. От напряжения обламываются ногти. Часто останавливаемся — то подгоняем крепления, то поправляем санки. Все-таки первый день! Вид у нас не ахти какой изящный. Рюкзаки за плечами, на поясах тянем за собой санки — мы их называем нартами — с грузом в 35—40 килограммов.

Минуло три часа, а пройдено не больше двух километров. 50 минут идем, 10 — отдыхаем. Наконец-то торосы кончились. Небольшой ровный отрезок, но температура — ноль градусов, и нарты не сдвинуть: снег рыхлый, мокрый. Римма использует любую возможность, чтобы отснять великолепие льда, снега, эти «рощи» разноцветных торосов.

Пролив Вилькицкого прошли до нас всего две мужские группы, а в 1970 году наш штурман Валя Шацкая с Геннадием Старобыкиным из Норильска пронесли через пролив бюст Ленина и установили его в честь столетия со дня рождения Владимира Ильича в бухте Солнечной. Сейчас Валя вновь ведет нас через пролив и вспоминает: «Тогда торосы были меньше. Этот кромешный ад, через который мы сейчас пробираемся, специально создан для женской группы, чтобы испытать нас на прочность». И мы настойчиво пробивались вперед, отвоевывая каждый километр.

Вот уже семь часов как в пути. Идем ночами, днем спим. Так удобнее. Днем в палатке температура на несколько градусов выше. К тому же ночью можно хоть ненадо́лго снять солнечные очки, да и скольжение лучше.

17 мая. День второй. 22.30. Снова в путь. Торосы, торосы, причудливые ледяные за́мки. Красиво, но идти трудно. Скорость 2—3 километра в час. Зигзаги и развороты — похлестче, чем в фигурном катании. Персиковый сок, выданный Мариной, кажется божьим даром. И снова торосы. Рассеянный свет скрывает светотени, и трудно оценить крутизну рельефа — где яма, а где бугорок? Чуть зайдешь за торос, и начинается игра с нартами — кто кого перетянет?

Только успели позавтракать, как раздался гул мотора. Вертолет! Пролетел над нами. Через два часа — снова вертолет. Летит назад. Сбросил нам вымпел — обломок лыжной палки с флажком и гильзой от патрона. В ней записка: «Дорогая «Метелица». Пограничники арктической границы гордятся вашим мужеством... С искренним приветом Головкин, Устинов, Лява, Майоров».

И еще: «Дорогие девушки! С нетерпением ждем вас в бухте Солнечной. Банька готова. С большим приветом Верещагин».

Было очень радостно, будто силы удесятерились. Ложимся спать. Завтра мы должны быть в Солнечной. Как приятно получить весточку здесь среди этих причудливых торосов, вдали от дома, в царстве белых медведей!

18 мая. 23.00. Подъем и выход. Сегодня надо быть в Солнечной. А впереди еще столько километров! Немного прошли и опять уперлись в торосы высотой до пяти метров — вот где пригодилась альпинистская выучка. Любуемся ледяной феерией, но не забываем, что из-за любого тороса может появиться хозяин Арктики. У нашего штурмана на этот случай есть ружье.

Кажется, что попали в замкнутое пространство. Ищем выход из этой ловушки. Девушки разбрелись среди торосов и перекликаются. Римма бегает с фотоаппаратом, заряженным цветной пленкой, и сетует, что такая синь может и не получиться. Но вот нашли обход, и снова в путь. Лыжи разъезжаются в стороны, очки запотевают, под маской невозможно дышать, нос постоянно мокрый. А нарты дергают за талию. Но, видимо, в благодарность за наши труды и выносливость пролив наградил нас неописуемо красивым пейзажем, поистине фантастическим. Это скрашивает нашу борьбу за каждый метр.

Сегодня надо прийти в Солнечную, но уже сделано 12 переходов, а станции все не видно. Останавливаемся, тем более что подошло время выходить на связь. Решили не ложиться спать, а, поев горячего супа, следовать дальше, пока не придем на полярную станцию. Таня принимает по рации: «На Солнечной вас ждут». Быстро собираемся, и снова в путь.

...Показался след вездехода, но, увы, вскоре он повернул назад — значит, не смог пройти. Но там, где «конь железный не пройдет», «Метелица» пройдет обязательно. Ценой больших усилий, но все же движемся. Галка не заметила, как залезла на торос, и, оступившись, полетела вниз. Приземлилась удачно, но сани остались наверху.

...Свежий медвежий след. Справа — след медвежонка. Следы, следы!.. И вдруг — зеленая ракета. Значит, нас ждут. Даем ответную — красную. Рвемся вперед. Прошел час, другой, но никак нам не приблизиться к долгожданной Солнечной. Римма даже услышала шум вездехода. Рожальская пошутила: «Баньку нам везут»...

На Солнечную мы пришли в половине первого ночи. Нас ждали. Устроились в доме полярников. Попили чаю, а там и в баньку.

У Гали Рожальской нашлись здесь земляки, и пока мы совершали омовение, она устроила небольшую пресс-конференцию. Рассказала о нашей команде, о тех, кто здесь, и о тех, кто, к сожалению, не смог пойти с нами.

19 мая. День четвертый. Спать было душно. Уже привыкли к палатке. Проспали до обеда. Полярники угостили нас ухой, соленой рыбой и котлетами — Римма мечтала о них всю дорогу. Когда ее спросили: «Что же вас вело через такой трудный пролив?» — она в шутку ответила: «Запах котлет, которыми вы нас угощаете».

На станции живет пятилетний мальчишка Саша Березин. Рассуждает, как взрослый. Он подвел нас к бакам с соляркой и сказал:

— Эти баки дают тепло. Но учтите, там много винтиков. Здесь все на винтиках. Пожалуйста, не крутите их.

Мы обещали не крутить. Потом он нам показал станцию. Со всеми познакомил. Такой серьезный мужичок-пудовичок. Все время крутился вокруг нас, все рассказывал, расспрашивал. Подошел к Тане Ревтовой, когда та возилась с рацией.

— А у тебя карта Северной Земли есть?

— Нет, она у нашего штурмана.

— Как же ты без карты на лыжах? Я тебе сейчас нарисую.

И через несколько минут вынес старательно нарисованную карту:

— Возьми, она тебе поможет.

Позже выяснилось, что такие карты он нарисовал для всех участниц экспедиции. Мы будем хранить их как драгоценный сувенир в память о маленьком заботливом северянине Саше.

К вечеру снова собрались в дорогу. Жаль расставаться с добрыми друзьями на Солнечной. Подарили им вымпел с нашими автографами. Верещагин преподнес нам банку кофе.

...Выходим в ночь. Солнце все так же высоко над головой, и лишь часы показывают, что все нормальные люди сейчас спят. Последние прощальные слова. Саша никак не хотел ложиться, не проводив нас.

На лыжах, впряженные в нарты, спускаемся к морю. На переходах, в минуты отдыха мы много говорили о том, чем привлекает Север и что здесь живут люди особого склада, особой породы. Все сходимся на том, что Север — это не только большие трудности, требующие от человека много сил, напряжения, но и радость, чувство большого удовлетворения: ты сильнее всех этих трудностей!

Здесь человек проверяется на стойкость, выдержку, дружбу. Здесь о дружбе не говорят, здесь ее высоко ценят. На Севере понятие дружбы шире, мудрее. Человек тут без поддержки других слаб. Потому и отношения на Севере складываются иные, люди здесь проще, доверчивее, цельнее.

Окончание следует.

На острове Большевик. Лыжня пересекает трещину. ✻ Радистка Татьяна Ревтова на связи. ✻ Новая песня. С гитарой — Татьяна Ревтова, рядом с ней Галина Рожальская. ✻ В каньоне арктической реки.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ДЖУЛИ ОТРЕ

ГЛАВА 5

В ту пору Бетт уже превращалась из ребенка в девушку и, как бывает с девочками, физически опередила и Джули и всех других своих сверстников-мальчишек. Но ненамного: мы тоже взрослели рано. Приходилось, такова была жизнь в тридцатые годы; она встречала нас не свершением всех надежд, но угрозой. Да и в самом деле, что нас ждало?

Мы еще не вышли из детства, но уже знали, что особенно надеяться нам не на что. Разве только человек шесть наших сверстников из богатых семей были уверены в своем будущем. Остальные ощупью двигались по пустынным дорогам, которые никуда не вели. Даже самые способные (но бедные) знали: университет не для них; и самые умные (но бедные) знали: в лучшем случае их ждет какая-нибудь жалкая работенка — младший продавец, разносчик бакалейных товаров или телеграмм, сборщик фруктов, сцепщик на железной дороге, подносчик в мясной лавке, некоторые станут ремесленниками, сельскохозяйственными рабочими, а самые способные — служащими в банке. Тем же из нас, кто не выделялся ни умом, ни одаренностью, и вовсе нечего было ждать, и многие сбивались с пути, становились хулиганами и забулдыгами.

Положение Джули было особенно сложное, школа в общем-то ничему не могла его научить. До сих пор он вместе со всеми нами переходил из класса в класс, потому что любой учитель знал: Джули не глупей его самого, а то и умней. Да вот беда, необычный этот ум трудно обуздать, трудно даже заставить его проявиться. Я всегда подозревал, что учителя относятся к Джули с немалым уважением, потому что стоило ему захотеть — и он вдруг проникал в такие глубины их науки, о которых сами они могли только мечтать. Время от времени он обнаруживал редкостные, причудливые знания из области физики, математики, даже химии — предметов, которые требовали умения мыслить сложно и глубоко. Все мы, включая учителей, прямо вздрагивали от удивления, но Джули терял интерес к предмету, и эти мгновенные вспышки гасли.

На беду приближалось время первых в нашей жизни экзаменов, и теперь все зависело от наших ответов, а не от того, что думают о нас учителя. Джули, разумеется, понимал, что на этом его образованию конец, разве что случится какое-нибудь чудо. И одно время мне казалось, такое чудо возможно. Мы сидели с ним за одной партой, а через проход, в соседнем ряду, было свободное место, и его заняла Бетт.

Бетт не скрывала своего интереса к Джули. Она просто неспособна была на что-либо такое, что следовало бы скрывать. И мы видели, как она ловит его взгляд — не кокетливо, а серьезно. И лицо ее неизменно, как в тот день на грузовике, ясней слов взывало о прощении и понимании. Так продолжалось недели три, в конце концов я не выдержал, подтолкнул Джули локтем и сказал, что Бетт Морни не сводит с него глаз.

— Почему? — спросил Джули.

— А я откуда знаю,— ответил я.

Джули посмотрел на Бетт, и она улыбнулась ему своей открытой, чистой, серьезной, милой улыбкой и покраснела. И хотя тогда я уже ощущал в себе проклятый дар все видеть и все понимать, я отмахнулся от очевидного. Отмахнулся и Джули. Недосягаемая Бетт всегда и ко всем в школе относилась дружелюбно, никого особенно не выделяя. И, конечно же, мне и в голову не пришло, что она наконец-то выбрала Джули. Никому из нас это не пришло в голову.

И однако она сделала выбор. Однажды после уроков, выходя из ворот школы, она окликнула Джули и со свойственной ей решительностью добилась, что часть пути он прошел вместе с ней. Для всех нас, кто видел их вдвоем, это было поразительное зрелище. Бетт вся чистенькая, аккуратная, в аккуратной голубой форменной блузке, чистая золотистая кожа, открытый взгляд прекрасных глаз, аккуратно причесанная головка и, как всегда, старательно уложенная пачка учебников. Джули тощий, угловатый, бледное лицо непроницаемо, а нищенская одежда, кажется, не имеет к нему никакого касательства. Башмаки просят каши, в руках — ни одного учебника.

— Что она тебе говорила? — спросил я Джули назавтра, когда мы ждали в классе прихода математика.

— Кто?

— Бетт Морни. Вчера.

— Не знаю,— начал он. Потом слегка пожал плечами.— Опять уверяла, что ничего худого Скребку в тот раз не сделала. А потом спросила, не я ли тогда его привел.

— И что ты сказал?

— Сказал, надо быть дурой, чтоб думать, будто я мог его привести.

— Так и сказал, что она дура? (Ох, Бетт! Никто еще с ней так не разговаривал.) А она что?

— Огорчилась.

Я рассмеялся. Нашей примерной Бетт пришлось нелегко. Но кто ж виноват, что она задала Джули такой глупый вопрос? Должна бы соображать. С того дня вся школа уже понимала, что Бетт почему-то хочет подружиться с Джули. Она не заигрывала с ним и не шла напролом, но явно знала, чего хочет, и добивалась своего с присущей ей естественностью. И удивленные, довольные, зачарованные, мы в простоте душевной радостно порешили, что Бетт влюбилась в нашего Джули.

Бедняжка Бетт! Я жалел ее тогда. Не только потому, что Джули был малость чокнутый — просто он совсем ей не подходил. Бетт должна бы влюбиться в кого-нибудь столь же аккуратненького, умного-разумного, преуспевающего, уравновешенного и примерного, как она сама. Она и правда была замечательная девушка, и мы думали, она где-нибудь отыщет себе кого-то, кто будет достоин процветающего дела ее семьи и достойной парой ее красоте, уму и всем неотразимым ее совершенствам. Джули? Да это курам на смех!

Однако с присущим ей простодушием и чистотой она продолжала искать расположения Джули, и, к всеобщему изумлению, Джули наконец ответил ей. Или, вернее, примирился с этим.

Обычно наши юношеские привязанности начинались с обмена взглядами исподтишка (птичьи танцы), тайных пожатий рук, записочек и все большей поглощенности друг другом: создавался свой тайный мирок, куда нет доступа никому, кроме двоих. Но у Джули с Бетт получилось совсем не так. Просто они были рядом — Бетт и Джули, вот и все. Казалось, они поглощены не столько друг другом, сколько чем-то вне их. Мы не понимали, что же их связывает, но однажды я видел, как они вместе возвращались из школы. В другой раз, в субботу, видел, как они стоят на улице и разговаривают. Иногда они приходили в школу раньше всех нас, их соединяли какие-то таинственные узы. Они всегда были серьезны. Но Джули оставался самим собой. Как всегда, был скуп на слова. Говорила обычно Бетт, о чем-то она ему толковала неторопливо, слегка хмурясь.

Джули смотрел темными карими глазами и молчал, и это было естественно для него, но теперь в свое молчание он включил Бетт, словно этого уже достаточно. За их непривычными для нас отношениями ощущалась своеобразная полнота, и мы все гадали, о чем же они разговаривают. Школа? Задачи по математике? Городские новости? Религия? Любовь? Сплетни? Музыка? Нет, явно все не то.

— Они вообще ни о чем не говорят,— сказал Сэмми Бартон.

— Ну, нет, ясно же, о чем-то да говорят.

Любопытство не давало нам покоя, и вот однажды на школьной веранде мы, человек семь (трое мальчишек, остальные девчонки), спорили все о том же — и Джоан Синглтон, маленькая проныра, вдруг предложила подстроить так, чтобы подслушать их разговор.

В нашем городке юным парочкам бывало очень не просто остаться наедине. Не только взрослые запрещали это, либо мучили и высмеивали влюбленных, но и добрая половина школьников потехи ради следовала за ними по пятам, куда бы они ни пошли: через мост, к реке, за маслобойку, к железной дороге, к теннисным кортам. Рано или поздно, найдя, как им покажется, укромный уголок, они начнут целоваться, и за этим-то занятием Джоан Синглтон и надеялась застать Бетт и Джули. Но мальчишки запротестовали.

— Еще чего! — возмутился наш ныряльщик Доуби.— Оставь их в покое, не то расскажу про тебя и Боба Дилани.

— Правильно,— сказал Джек Синглтон, брат Джоан. И хотя он всегда все говорил наперекор сестре, на этот раз мы приняли его слова как его собственное мнение.

— Нечего шпионить за Джули,— заявили мы.

Итак, мы знали только одно: Бетт по-прежнему интересуется Джули. Правда, мне удалось разузнать и еще кое-что: я заметил, Бетт пытается помириться с бродягой Скребком, с которого все и началось.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35, 36.

И я не мог не восхититься тем, как она это делает. Она запаслась кусочками мяса, аккуратно завернула их в белую бумагу, положила в карман своей спортивной куртки. И пошла на поиски Скребка — задача не из легких, хотя было у него всего несколько любимых местечек: на задах ресторана «Совершенство», во дворе больницы, перед парикмахерской, которую держал один китаец, и еще кое-где. Я натолкнулся на Бетт у больничного двора: она присела на корточки, а Скребок, весь напрягшись и рыча, пытался ее обойти.

— Поди сюда, Скребок, — молила Бетт,— пожалуйста, не сердись на меня. Ну, пожалуйста!

Но Скребок весь ощетинился, ощерил влажную красную пасть.

— Ну, пожалуйста, Скребок! — Она протянула ладонь с кусочками мяса. Но Скребок злобно лязгнул зубами, чуть не оттяпав ей пальцы, и поскакал прочь.

— Спятила,— сказал я, когда она выпрямилась.

Бетт вспыхнула — золотистая роза полетнему заалела.

— Ну почему он меня невзлюбил, Кит? — жалобно спросила она. — Честное слово, я в тот день его пальцем не тронула. Он сам на меня кинулся.

— Может, он тебя приревновал? — поддел я.

— Джули очень его любит, я знаю,— просто ответила она.— Потому-то я и хочу с ним подружиться.

За такие вот признания мы и любили нашу Бетт.

ШЕННЫЙ

— А все-таки я б на твоем месте поостерегся,— сказал я.— У Скребка на тебя зуб, это ясно как день, так что поберегись.

В ту субботу я снова ее увидел у моста за тем же занятием. Только на этот раз казалось, они застыли вот так друг против друга уже много часов назад. Она сидела на корточках и ждала, а Скребок ждал, припав к земле.

— Он нипочем не сдастся,— сказал я Бетт.— Ты только посмотри на него.

— Я тоже не сдамся,— просто ответила Бетт, и я поверил.

И правда, этим трудным отношениям суждено было длиться годами.

Я рассказал про это Джули, и у него нашлось свое объяснение.

— Скребок сам себе хозяин,— сказал Джули.— И он не хочет, чтоб его хозяйкой стала она. Вот и все.

Звучало это как его собственная философия жизни, но постепенно он стал принимать кое-что из окружающего мира. Я хочу сказать, кроме своих отношений с Бетт, он стал и еще как-то соприкасаться с окружающими. Порой он вдруг слепо кидался во что-нибудь такое, что прежде обходил стороной. Однажды субботним вечером мы все сидели в первых рядах на длинных, жестких, без спинок скамейках нашего кинотеатра под открытым небом и во все глаза глядели на Тома Микса, и тут неожиданно появился Джули и сел рядом с моим братом Томом и со мной. Новость тотчас всколыхнула два первых ряда.

— Джули пришел! — крикнул кто-то, на миг заглушив дребезжащее пианино, на котором аккомпанировала фильму мать Джека Портера, миссис Портер. Уже появилось звуковое кино, но в нашем кинотеатре под открытым небом все еще крутили немые фильмы.

— Эй, Джули, Иисус Христос дал тебе сегодня выходной, отпустил тебя на вечерок?

Тишину мерцающей тьмы разрезали, раскололи и другие голоса, и скоро уже все зрители принялись топать и свистеть. Лента вдруг оборвалась, и малорослый рыжий парнишка по имени Пол Персивал крикнул:

— Это Христос прервал дьявольскую картину, надевает шоры на Джули.

— Тогда гоните Джули вон,— отозвался кто-то.

Послышались и другие возгласы в этом роде, но Джули не обращал на них никакого внимания.

— Про что там? — спросил он меня, кивнув в сторону экрана, который снова ожил.

— Шшш! — Хотя фильм был немой, нам требовалась тишина, чтобы ничего не упустить.

Я в общих чертах передал ему содержание и в то же время не отводил глаз от экрана, от широкополой шляпы Тома Микса, в которой он спрятал шестизарядный револьвер.— Он хочет выстрелить вон в того парня через шляпу,— шепнул я Джули.

— Почему? — спросил Джули.

— Он украл деньги,— нетерпеливо ответил я.

Джули слушал, смотрел, старался приноровиться к первому в своей жизни фильму. Но то ли ему слишком прочно привили боязнь греха, то ли слишком могущественны были запреты библейского квартала, а может, Джули слишком остро чувствовал всякую нелепость, только уже через полчаса он встал и ушел, а вслед ему неслись насмешки, свистки, кто-то даже крикнул: Джули, мол, боится, что нас всех разразит гром небесный, вот и сбежал.

А потом, словно для того, чтобы завершить свое внезапное вторжение в наш грешный мир, он однажды в воскресенье пошел с нами за реку, где наши игроки беззаконно и азартно сражались в кости. Они были в безопасности по другую сторону моста, уже в штате Южный Уэльс, неподвластном полиции Сент-Хелена (штат Виктория). А ближайший полицейский участок Нового Южного Уэльса находился за сто миль.

— Эй вы, шельмецы! — крикнул Локки Мак-Грегор, устроитель игры, когда увидел среди нас Джули.— Катитесь отсюда подальше с этим парнишкой из библейского квартала, еще попадем из-за него в переделку.

— Его бояться нечего,— сказали мы.

— Может, оно и так. Зато от этого их громовержца добра не жди. Так что сматывайтесь...

Он говорил про доктора Хоумза. Локки был хороший католик, человек широкой души во всем, что касалось веры, семьи, нравственности, но даже его пугали оглушительные речи Хоумза, когда тот обличал пьянство, азартные игры, грех и неблагопристойное поведение в воскресный день.

— Джули не проговорится, — заверяли мы Локки.— Вот ей-ей...

— Ну ладно, — смилостивился Локки.

На этот раз Джули сидел как завороженный. Каждый игрок был истый математик, а деньги на одеяле, и объявляемые ставки, и соотношение чета и нечета — все это было необъятным полем для всевозможных расчетов,— и Джули, как всегда чуть нахмурясь, жадно вглядывался в происходящее. Мы все любили следить за игрой, главное для нас было, кто выиграет, и порой, когда банк достигал тридцати фунтов — по тому времени целое состояние,— у всех прямо дух захватывало. Но Джули занимало другое, и пока мы старались разглядеть, как идет игра, он опустился на колени и принялся что-то чертить на песке. Картина всем знакомая. Земля всегда заменяла ему бумагу, и он обычно становился на колени вместо того, чтобы наклоняться, как делали почти все мы, чтобы поберечь и не помять дорогую обновку — первые в жизни взрослые брюки.

— Что он там делает? — спросил меня Локки.

Только теперь я заметил, чем занят Джули, и понял: это заработал его математический ум, и, хотя почти всегда свои расчеты он производит в уме, кое-что ему все-таки требовалось записать.

— Он вычисляет все ставки,— небрежно бросил я.

Но Локки взяло сомнение, он сам спросил Джули, что тот делает, и Джули ответил — хочет кое-что подсчитать. На самом же деле Джули не только с первого взгляда овладел всей системой игры, не только разобрался в ее сложных правилах и в том, как делаются ставки, но как само собой разумеющееся объяснил все это Локки.

— Уведи его отсюда,— сказал мне Локки, делая вид, что его бросило в дрожь.

— Почему?

— Уведи — и все,— махнул рукой Локки.— Не нужны нам здесь такие умники, кто может всю игру вычислить да рассчитать.

На самом же деле игроки тоже обычно прокручивали в голове разные возможности, но их вело только чутье, и Локки это знал, а математический талант и точный анализ Джули могли оказаться для него опасными: ведь банк-то держал он.

Другие ребята остались, а Джули я увел, и, пока мы молча шли через мост, я знал, он все еще занят расчетами.

— Они неверно играют,— сказал он наконец, слегка пожав плечами.

Я не спросил, как же играть верно, знал: он все равно не ответит.

До сих пор все отклонения Джули от привычной для него жизни были хоть и необъяснимы, но понятны. Что ни говори, мир, в котором мы живем, грешен, и, похоже, Джули наконец ощутил к нему интерес. Интерес весьма умеренный, ведь в доме у него было столько всяких запретов, что, как

вспомню, даже не верится. Джули не разрешалось ходить в церковь, бегать наперегонки, играть в игры, в которых присутствует дух соперничества, слушать радио, рисовать, читать газеты, распевать популярные песенки, ходить в кино, и так далее, и тому подобное. То был занавес, скрывающий от него мир. Но Джули вовсе не заглядывал в щелочку, не бросал завистливые взгляды на запретные радости. Его не привлекал грех, и завистлив он тоже не был. Казалось, он так же безоглядно ступает на опасную стезю мелких грешков, как ступил когда-то в реку. Он делал это сознательно, хладнокровно, словно была у него какая-то своя цель. И, зная его жизнь дома, я догадывался: то новое, что с ним сейчас происходит, в конечном счете как-то связано с его матерью.

Началось все с банджо.

Однажды он попросил Скотта Пири раздобыть ему тоненькую, но крепкую стальную проволочку, и только тогда я и узнал, что у него есть банджо. Бедняга Скотти всегда чуял, где можно что-нибудь такое раздобыть; спрашивать Джули, на что проволочка, он не стал. Зато я спросил.

— Будет проволока — увидишь,— сказал Джули.

Скотт нашел проволоку от тормоза старого велосипеда, попросту говоря, стащил ее из гаража Пулина. В ту пору их делали из того же, из чего делают струны пианино, и когда через несколько дней мы с Джули возвращались домой, он сказал:

— Хочешь поглядеть, что я сделал с проволокой, которую принес Скотти?

— Ага,— сказал я.

Я подождал во дворе, а Джули зашел в дом и, вырвавшись из неизменных объятий матери (мне она только издали помахала), вернулся — в руках у него было банджо с необычно длинной шейкой.

— Господи, Джули! — воскликнул я. — Откуда оно у тебя?

— Купил,— ответил он.

За все годы нашего знакомства я ни разу не видал, чтоб он что-нибудь себе купил, хотя бы грошовую шоколадку.

— Купил, говоришь?

— Да.

— У кого?

— У охотника на зайцев.

— Откуда он его взял?

— Говорит, нашел.

— Где?

— Говорит, нашел банджо в прошлом году, а где нашел, скажет, когда получит от меня деньги.

— Так вот почему ты все разглядывал банджо тогда на гулянье, да?

— Какое банджо? — уклончиво спросил Джули.

— Да ладно уж. А сколько заплатил?

— Два шиллинга.

Я не стал спрашивать, откуда у него взялись два шиллинга, наверно, он что-нибудь продал или просто нашел деньги,— у матери или у квартирантов он бы наверняка просить не стал.

— Ну и где ж он его нашел?

— На старой свалке, за бойней, под старым чаном.

В ту пору я ничего не понимал в банджо да и сейчас понимаю не многим больше, но сразу было видно, что оно совсем не такое, как у нашего джазиста Уитерса. Корпус много больше, а шейка длиной фута четыре.

— А ты умеешь на нем? — спросил я Джули.

Он пожал плечами.

— У него только четыре струны. Для пятой тоже есть место, потому-то мне и понадобилась проволока.

Я тронул струны одну за одной, как трогал их на гулянье Джули. Он настроил их верно, хотя слышал банджо всего один раз. Пятую струну (велосипедную проволоку) он настроил на «ля». В общем, диапазон тональности получился как раз такой, какой должен быть у банджо. Тогда я лишь слегка удивился, а теперь понимаю — просто поразительно, что он сумел безошибочно настроить инструмент.

— Давай сыграй,— попросил я.

Я думал, он откажется, ведь инструмент был ему нужен не для игры, к тому времени я это уже знал. Но, к моему удивлению, Джули положил банджо плашмя на колени и заиграл обеими руками: левой бил по струнам, словно по клавишам пианино, а всеми пальцами правой их пощипывал.

Раздались прихотливые, мягкие, гармонические аккорды, взятые на какой-то сложный, необычный лад на инструменте, который никак не был для этого приспособлен. Я и поныне жалею, что не запомнил ни единого такта из музыки, которую пытался наиграть в тот день Джули.

Больше всего, пожалуй, то, что он исполнил, походило на какую-нибудь сонатину Моцарта для мандолины, хотя сочинение Джули было куда сложнее этих прелестных безыскусственных вещиц. В сущности, могло показаться, будто кто-то играет на гитаре, пробуя всевозможные классические вариации, но играя при этом двумя руками, чтобы возникла контрмелодия. Но и это объяснение неточно: ведь Джули прямо у меня на глазах создавал музыку, и звучала она совсем необычно. Что-то в ней было математическое, казалось, она, точно головоломка из кусочков, составлена из сложных аккордов, арпеджио и созвучий. Но она не была ни тональной, ни какофонической, и он не торопил мелодию и не рассчитывал на слушателя. Просто делал дело, решал какую-то задачу.

Я слушал, но что я мог сказать? Я был тогда уже не ребенок, но еще и не взрослый, еще ничего собою не представлял. То, что я слушал, было мне непонятно, я понимал одно: это необыкновенно.

— Ты уже давно вот так играешь? — недоверчиво спросил я.

И он сразу перестал играть, словно спохватился, что и так уже слишком много мне открыл.

— Месяца два, — ответил он. — Пришлось намочить кожу и натянуть получше, а то она совсем обвисла и не получалось никакого звука.

Кожа была натянута отлично и закреплена на корпусе мебельными гвоздиками.

— А откуда ты узнал, как с этим обращаться? — гнул я свое.

Джули молчал. А к нам уже направлялась его мать и что-то нам несла. И вот тут Джули меня совсем ошарашил. Едва она подошла, он схватил банджо, совсем как это делал Уитерс, и поразительно искусно принялся играть одну из джазовых мелодий, которую мы слышали на гулянье, только куда прихотливей и отчаянней — Уитерсу такое и не снилось.

— Джули! Только не это. Пожалуйста,— сказала миссис Кристо.

От огорчения она даже забыла меня обнять, но меня и на расстоянии обдавало запахом пудры и смущало ее тело. И впервые заметил я в Джули какое-то неистовство. Банджо словно создано для одержимых, и Джули — напряженный, взвинченный, пальцы с побелевшими суставами так и летают, неистово усложняя мелодию того регтайма,— явно на кого-то обрушился — не на мать, но на что-то, что неизменно ей сопутствовало.

— Перестань, Джули! — крикнула она и зажала уши, а судорожные пальцы Джули все не останавливались.— Как тебе не стыдно! Перестань!

— На нем по-другому играть нельзя,— сказал он матери,— так что привыкай.

Джули не был ни жесток, ни мстителен, но была в нем какая-то жесткая целеустремленность, только я не мог понять, чего он добивается.

— Не могу я это слышать.— Миссис Кристо опять заговорила беспомощно, умоляюще, будто обволакивала голосом. Потом обхватила руками мою голову, прижала к своей груди и говорит: — Сто лет мы тебя не видали, Кит. Почему не приходишь почаще?

Не сразу мне удалось выбраться из этой тропической долины.

— Все занимаюсь, миссис Кристо,— наконец произнес я, и это было правдой только наполовину.

— А почему никогда не позовешь Джули к себе? — спросила она.

Кроме того единственного раза, когда Джули пришел посмотреть пианино, он отказывался даже войти в нашу калитку. Он по-прежнему не бывал ни у кого в доме и даже во двор ни к кому не заходил. Но миссис Кристо всегда уговаривала меня пригласить Джули, и мне только становилось не по себе, хотя сам он, казалось, просто не слышал ее слов.

— Я принесла вам по полсосиски,— сказала она и дала нам чуть теплые говяжьи сосиски, которые, остывая, уже немного съежились.

— Большое спасибо, миссис Кристо,— сказал я и взял протянутый мне кусок.

А Джули положил свой на пень — оставил для Скребка.

— Ешь, Кит, не стесняйся, — сказала она, видя, что я мешкаю.

А я вовсе не стеснялся, просто мной овладела брезгливость. От нее самой пахло луком, и я не знал, где перед тем лежала эта сосиска, кто ее не доел. Я откусил сосиску с таким чувством, словно подобрал ее с полу, но как все, что стряпала миссис Кристо, все, к чему бы она ни прикоснулась, сосиска оказалась восхитительная.

Наверно, эта жалкая с виду и такая сочная на вкус кем-то не доеденная сосиска и пробудила во мне уже недетский интерес к судьбе самой миссис Кристо, и, возвращаясь домой, я впервые задумался: кто же она такая? Откуда она появилась? Что заставило ее так отчаянно, очертя голову броситься вместе с сыном в замкнутый круг той жизни, которая считалась надежной защитой от греха?

— Видно, спятил,— сказал я себе, потому что в голове у меня крутились и другие сумасшедшие мысли.

Я вернулся домой, но в комнаты не пошел. Вечер был мягкий, теплый, я сидел под голым персиковым деревом и думал про миссис Кристо и про Джули, про Джули и про то, как он играл сегодня на банджо. Отчего он играл так яростно? Меня еще и сейчас подавляло исходящее от миссис Кристо дыхание чувственности, и я никак не мог понять, отчего оно меня угнетает и отчего к нему так равнодушен, даже враждебен Джули. Я ощущал какое-то странное удовлетворение, однако знал, что в радости моей есть что-то запретное, пожалуй, даже опасное.

Я поднялся, собираясь войти в дом, и пока стоял, а наш пес Мик облизывал мои пахнущие луком и сосиской пальцы, меня вдруг осенила юношески безжалостная блестящая догадка: миссис Кристо непрестанно ведет безнадежную борьбу с собственной плотью. Теперь я это знал. Я даже понял это — поглядишь на ее восхитительное тело, и кажется, оно прямо сейчас, наперекор всем запретам вырвется на волю. То был дивный и щедрый дар, но миссис Кристо явно боялась и этого дара и всех бед, что он может на нее навлечь, и оттого заключила себя в бесплодный монастырь песнопений, обрекла на жизнь очень упрощенную, заполненную любовью ко Христу и вечными усилиями избежать греха.

Я знал, это связано с Джули, и у меня родилась дикая, но как раз поэтому непоколебимая уверенность, что Джули — плод насилия. Трепетная душа ее пугливо отвергала насилие, а тело жаждало его. И я начал понимать, почему Джули так яростно воевал с чем-то, что таилось под всеми поступками матери. Никогда ни прежде, ни после мне не казалось, что это сама миссис Кристо возмущает его, что против нее он восстает, с ней воюет. Ему была ненавистна не мать, нет,— скорее та сила, что крепко держала ее в тисках безупречной добродетельности. Миссис Кристо продала душу небесам, но, похоже, Джули намерен расторгнуть эту сделку.

Да, невидимым оружием Джули ведет свою отдельную, тайную, странную борьбу с невидимым врагом, в этом я уже не сомневался, идя к скрипучей двери нашего черного хода. И у обоих у них, у Джули и у его матери, есть свои союзники. Джули готов взять себе в помощники джаз — любопытно, скоро ли миссис Кристо станет искать помощи у Бетт Морни, нашей пример-

ной девушки, нашей златокожей Бетт, что обладает всеми добродетелями и прирожденной сдержанностью, которые тщетно пытается найти в себе миссис Кристо.

ГЛАВА 6

Но в нашем трезвом, пронизанном всевозможными толками школьном содружестве все мы уже задавались вопросом, что станут делать мистер Морни и миссис Кристо, когда узнают про Бетт и Джули. Всякая дружба между мальчиком и девочкой, будь то в школе или вне школы, и учителями и родителями строго-настрого запрещалась. Мистер Морни, должно быть, все уже знает — Бетт ничего не стала бы скрывать от отца. Но он пока никак не старался им помешать. Он славный человек. Ну, а миссис Кристо вообще может никогда про это не узнать, разве что ей скажут квартиранты, но они тоже стоят немного в стороне от потока наших местных сплетен и толков.

И все-таки миссис Кристо узнала, и отвечать на ее вопросы пришлось мне. Я попрежнему был единственный, кому Джули доверял настолько, чтобы водить к себе домой, и в этот раз я пришел помочь ему хоть как-то подготовиться к экзамену. Мы сидели за старым столом на веранде, где обычно спал Джули (во дворе заниматься было невозможно: чересчур ветрено) и старались втиснуть в память Джули исторические даты и важнейшие события вроде заключения англичан в Черную яму в Калькуттской тюрьме в 1756 году, а ему все это было совсем неинтересно, и тут пришла миссис Кристо, держа в руках несколько медяков и котелок.

— Джули! Сбегай в молочную Уокера, возьми пинту молока,— сказала она.— Хочу сготовить саговый пудинг. (Рис был миссис Кристо не по карману.)

Джули ничего не сказал, но тотчас поднялся. Он всегда безропотно выполнял все, о чем его просила мать, и я тоже собрался с ним.

— Не надо, Кит. Останься,— сказала миссис Кристо, и ее полная теплая рука уже обхватила меня за шею.

Джули спорить не стал. Сурово глянул на меня, но ясно было, что мне уже не уклониться от этой руки, и я не двинулся с места, а он вышел, взяв деньги и котелок.

— Ну вот, Кит,— прошептала миссис Кристо, подсаживаясь ко мне и не убирая руки, так что я не мог двинуться, будто связанный.— Ячменную лепешку хочешь? С маслицем?

— Нет, спасибо, миссис Кристо,— беспомощно ответил я; сам не знаю почему, но взять эту лепешку за спиной Джули было бы почти предательством.

— Я принесу лепешку, когда вернется Джули.

— Ладно,— поспешно согласился я.

Она глубоко вздохнула, а при такой груди глубокий вздох — это тоже волнующее событие.

— Вы все так быстро растете, правда? — печально и опять со вздохом сказала она.

— Ну, ясно,— как мог уверенно ответил я.

— Тебе сейчас сколько, Кит? Ты такой рослый. (И вовсе я не был рослый.)

— Скоро шестнадцать.

— Джули почти на полгода старше,— сказала она.— Но школу вы кончите вместе, да?

— Да...

— Ты уже подыскал себе работу, Кит? Будешь работать с отцом? Ты ведь такой способный, правда?

— Нет, работы у меня еще нет, миссис Кристо,— ответил я.

— Я так беспокоюсь за Джули. Не представляю, чем он сможет заняться. Бедняжка Джули. Просто ума не приложу, и так мне тревожно.

Наверно, в глазах у нее стояли крупные слезы, и я не поднимал головы.

— Скажи мне, Кит. Ты ведь самый близ-

кий его друг, конечно же, ты знаешь.— Она опять перешла на будоражащий шепот, будто нас соединял некий секрет.— Джули подружился с дочкой мистера Морни, с Бетт?

Я растерялся. Уж, конечно, я не хотел выдавать Джули, но и не поддаться ей, сидя с ней рядом и чувствуя тепло ее руки, тоже не мог.

— Не знаю, миссис Кристо,— ответил я уклончиво и так сильно запинаясь, что она успокоительно прижала меня к груди.

— Так ведь это хорошо,— прошептала она.— По-моему, это славно. Мне хочется, чтобы у Джули были хорошие друзья, а Бетт, я знаю, такая славная девочка. Я очень надеюсь, что он с ней подружился. Это правда?

Я кивнул.

Она опять вздохнула.

— Бетт такая прелесть и ее все любят, правда?

— Да, ее все любят.

— Она не танцует под джаз и вообще ничего такого не делает, правда?

— Наверно.

— А как по-твоему, Кит, чем они занимаются, когда они вместе?

— Не знаю, миссис Кристо,— сказал я, ко мне понемногу возвращалось чувство чести.

Миссис Кристо ощутила мое противодействие и только крепче обняла меня.

— Скажи, а ты сможешь уговорить Джули как-нибудь привести ее к нам? Сможешь?

— Сюда? — недоверчиво переспросил я. Миссис Кристо съежилась от моего сомнения, как от удара.

— Она бы не пришла?

— Ну что вы. По-моему, пришла бы,— сказал я, а сам подумал: Джули нипочем ее не позовет.

— Мне просто хочется, чтоб у Джули были славные друзья и чтоб он приводил их к нам домой.

Я молчал.

— Может, ты с ней поговоришь, а, Кит? Может, позовешь ее к нам?

О, господи, подумал я, ну зачем она меня в это втягивает?

— Я не так уж хорошо знаю Бетт,— промямлил я.

— Тогда, может, уговоришь Джули, пускай он ее пригласит? — сказала миссис Кристо.— Если он подружился со славной девочкой, я хочу, чтоб она видела, что у него приличный дом и... и...

На лице ее выразилось замешательство — казалось, она отчаянно хотела бы что-то сказать о себе и не решается. Я торопливо кивнул в знак, что понял, и она напоследок порывисто прижала меня к себе.

— Только не рассказывай Джули, про что я с тобой говорила,— шепнула она.— Он хороший мальчик, но ему и так хватает огорчений.

(Каких таких огорчений? От нее, что ли?)

Она вернулась на кухню, оставив меня наедине с Черной калькуттской ямой и осадой Каунпура, я упрямо держал их в голове, пока на веранду не вернулся Джули.

— Чего она от тебя хотела? — спросил он и взял у меня учебник.

— Ей нужна Бетт Морни,— ответил я.— Больше ничего.

— Она хочет, чтоб Бетт пришла сюда? — спросил Джули.

— Да. Она спрашивала, захочет ли Бетт прийти. Вот и все.

Больше я ничего не мог сказать, но я знал: Джули вовсе не желает, чтобы мать покровительствовала его дружбе с Бетт. И не желает, чтоб она эту дружбу одобрила и поощряла; я исподтишка следил за ним и видел: гнев в его глазах постепенно угас.

— Ну, вот вам, мальчики! — сказала миссис Кристо, выйдя из кухни, и протянула нам по ячменной лепешке с маслом.— Это за то, что вы такие славные друзья.

— Пошли во двор,— сказал мне Джули.

— Но ведь такой ветер, — вскинулась миссис Кристо.— У вас все разлетится.

— Мы уже кончили заниматься,— возразил Джули, вставая.

Я пошел за ним, мы уселись в его любимом уголке у поленницы, и он стал спрашивать меня про Билли — главного в джазе «Веселые парни».

— Где они играют? — спросил Джули.

— Всюду,— ответил я.— Они ездят всюду, где Локки Мак-Гиббон устраивает танцы.

— Ну, а танцы где бывают? В гостиницах?

Гостиницы в нашем городке были все равно что пивные и бары, а в глазах всех евангелистов были они рассадниками греха, пьянства, азартных игр и разврата.

— В Зале округа, или под навесами, где сушат шерсть, или где сушат изюм, вот как в Ное, — смеясь, ответил я. — Потому и говорится, танцы под навесом. Наверно, они ездят всюду, куда их приглашают.

— А им за это платят?

— Ну а как же. Думаешь, они стали бы играть задаром?

— А они пьют?

— Господи, Джули. Ну откуда мне знать? Говорят, на этих танцах все напиваются вдрызг, но мало ли что болтают! Да и как бы они играли пьяные? — Мне любопытно было, что у Джули на уме, и я спросил.

— Да так, интересно, нет у них какого-нибудь лишнего инструмента,— ответил он.

— А зачем?

— Может, спросишь Билли, не найдется ли у них чего лишнего?

— А почему сам не спросишь?

— Спроси ты. Спроси — и все...

Когда Джули чего-нибудь от тебя хотел, в нем проступала какая-то непреклонная властность и он настойчиво добивался своего.

— Если я спрошу Билли, он спросит, на что они мне,— сказал я.

— Ты спроси, может, он даст мне ненадолго два или три инструмента? Больше от тебя ничего не требуется.

— А какие инструменты?

— Не знаю,— с досадой ответил Джули.— Какая разница?

Я рассмеялся. В этом весь Джули. Скажи так любой другой, это звучало бы хвастовством. А Джули и не думал хвастать, он, конечно, справится с любым инструментом, который даст ему Билли.

— Ладно,— согласился я. — Попробую...

— Кит! — по пыльной дорожке ко мне спешила миссис Кристо: я был уже у калитки — собрался домой.— Передай вот это твоей маме,— сказала она и протянула мне бумажный пакетик и письмо. Я неохотно взял.— Ты не бойся,— ласково шепнула она мне на ухо.— Это оладушки. Твоя мама ведь англичанка, они ей понравятся.

Меня смутили не оладушки, а письмо. Я бросил взгляд на Джули. Глаза его были устремлены на письмо, и я впервые увидел, как человек вдруг бледнеет.

Я поблагодарил миссис Кристо, закрыл за собой калитку, помахал Джули и медленно пошел домой, почти готовый к тому, что сейчас он меня догонит и сердито потребует отдать ему письмо. И однако я знал, он этого не сделает. Не пойдет он умышленно против матери да еще когда тут замешан кто-то третий. И вот, завернув за угол, я осторожно вскрыл непросохший конверт и прочел письмо.

«Дорогая миссис Куэйл,— говорилось в нем.— Спасибо, что позволяете Вашему милому сыну Киту бывать у Джули. Они ведь так дружат. Посылаю Вам несколько оладушек, я сострялала их без соли. Надеюсь, раз Вы англичанка, они Вам понравятся.

Джули хороший мальчик, и если Вы когда пригласите его к чаю или к ужину, он будет вести себя как положено...»

Дальше я читать не стал, вложил письмо в конверт и снова запечатал, было мне очень неловко и за Джули и за его мать — как она беспомощно, униженно вступается за благовоспитанность, добродетель, безгрешность и радость. Ни за что не скажу Джули, что написано в этом письме, хотя рано или поздно он наверняка меня спросит.

Перевела с английского
Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

гастроли

ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ

Бывают в театре мгновения особой волнующей тишины. Такой минутой молчания завершался спектакль «Они были актерами» по пьесе В. Орлова и Г. Натансона, созданной в стенах Крымского государственного русского драматического театра, впервые гастролировавшего в Москве. Исторически достоверен рассказ о подвиге артистов этого же театра — героях антифашистского подполья. Они погибли в 1944 году, незадолго до освобождения Симферополя.

На сцене утверждается бессмертие всего поколения людей, защищавших Родину. Постановщик спектакля, главный режиссер А. Новиков, художник М. Янковский, артисты Л. Могилева и Е. Тарасов были удостоены золотой медали имени А. Д. Попова.

...Грозно шагают двенадцать солдат и матросов — те, кто оборонял молодую Советскую республику: идет спектакль, воссоздающий образ честного художника России Александра Блока. Вместе с драматургом А. Штейном театр предлагает свою «Версию», которая, быть может, и не бесспорна, но увлекает романтической приподнятостью (постановка А. Новикова, художественное оформление Л. Боярской); тонко и деликатно проникает во внутренний мир поэта артист Александр Голобородько.

А вот наши современники — герои народной комедии Н. Зарудного «Ступени». В этом спектакле, посвященном XXV съезду партии, мы встречаем людей с живыми, непричесанными характерами, беспредельно преданных делу. Таковы председатель колхоза Звонарь — Ю. Максимов, молодой специалист, парторг Кожедуб — Ю. Емельяненко, гордая своим трудом доярка Федора Ивановна — С. Новак.

Явно сказывается пристрастие театра к интересным, «необкатанным» пьесам. Классика здесь представлена «Ричардом III», давно не шедшим на столичной сцене.

Театр яркими, сильными штрихами прочерчивает многие образы, хотя в целом постановка М. Владимирова — моноспектакль, где едва ли не вся труппа самоотверженно, увлеченно, с подлинным профессионализмом «работает» на раскрытие центральной роли. Без этого живого фона была бы невозможна превосходная работа А. Голобородько: его Ричард — незаурядный лицедей, прирожденный боец, целеустремленный, не знающий сомнений и мук совести, холодный убийца бесчисленных жертв. И только в последней сцене, в последнем взгляде умирающего Ричарда, полном человеческой тоски, возникает вопрос, прозрение, приговор...

Остросовременны по тематике, глубине поднимаемых вопросов спектакли «Долгожданный» А. Салынского, «Открытие» Ю. Щербака (обе постановки осуществлены Э. Митницким). Пьеса болгарского драматурга Д. Асенова «Обеспечено золотом» идет в постановке режиссера из НРБ Ули Матевой. Главную роль Нины в «Долгожданном» с успехом исполнила на русском языке искренняя и глубокая актриса Софийского театра имени И. Вазова Виолета Минкова.

Н. АЛЕШИНА

А. Голобородько в спектакле «Ричард III».
Фото И. Галанюка.

Микола СЫНГАЕВСКИЙ

Портрет

ПОЭМА

Распишем кистью,
словом возвеличим,
речь поведем
о времени, о нас...
Вглядимся
в современности
обличье,
как требует того
рабочий класс.
Властитель дум,
людей вперед ведущий,
крылатых дней
бесстрашный наш пилот,
он в нынешнем,
вчерашнем
и грядущем
во весь свой рост
пред нами предстает.
Его душа в горниле революций
сокровище
для мира
обрела.
В одну реку сомкнувшись,
бурно льются
его стремленья
и его дела.
Об этом всем
поведать довелося
рабочей силе
в годы тех тревог,
когда с серпом,
приветствуя колосья,
в державный Герб
рабочий молот лег.
Был день, как век —
стремительный и жаркий,
с огнем зари
во весь разлет небес
вставал на вахту
Харьков пролетарский,
из пенных волн
рождался Днепрогэс.
Днепр напирал
в бетонный вал
со стоном,
речная ширь под зорями цвела,
и припадала радуга к затонам
и жадно влагу светлую пила.
Металлом
громыхало Запорожье,
плотина поднималась в синеву,
и от ее бетонного подножья
огни,
как зерна,
падали в траву.
Металл и хлеб —
за них в степные дали
мы выходили
на жестокий бой,
свою Отчизну
сердцем постигали,
учились править
собственной судьбой.

Отцы и дети.
Дедушки и внуки.
Отчизне,
всем велениям ее
мы отдали
сердца свои
и руки,
сжимающие молот,
как ружье.
Сама земля
расти нам помогает,
дает свою нам силу и красу,
весна
цветы нам под ноги
бросает
в рассветном
зеленеющем лесу.
Сияют
Приднепровье
и Полесье,
металл звенит
в натруженных руках,
и хлеборобы,
окрыляясь песней,
вершат свой труд
в разбуженных степях.
И чтоб зерно
свободно прорастало
в глубоком
затаившемся тепле,
нужна вся твердость
духа и металла
суровой
и разнеженной
земле.
Открылась нам
манящая от века
к далеким звездам
радостная даль.
Для счастья
и для славы
человека
в мартенах наших
закипает сталь.
И я скажу,
не отступив от темы,
что на просторах
жизненных путей
людские души
пламенней мартенов
извечно были
совестью моей.
Как нужен мир
измученной планете!
Как хочет мира
весь рабочий люд!
Я знаю:
есть в космической ракете
наш будничный,
наш повседневный труд.
Газетчиком я был
неутомимым,
искал слова,
звенящие, как медь...
Заводов ритмы
мне необходимы,
рабочей жизнью
я привык гореть...
Стремился я
быть в самой гуще боя,

и в переделку брал меня
Донбасс,
и в том краю —
в цехах или в забое —
тебя познал я, мой рабочий класс!
Мне дороги
товарищества узы.
Взаимность
Уваженье.
Простота.
Согласья
и сердечного союза
не тронутая стужей
теплота.
Веселый нрав,
и песне нету края,
душа пылает
яростным огнем,
дух творчества,
победа трудовая —
таким шахтера вижу я во всем.
В порывах напряженности,
в дерзаньи,
в моем
животворительном
краю,
в душе,
раскрывшей
солнечные грани,
твой образ
ясноликий
узнаю!
От корня все вы —
сыновья народа,
могущества его
крутая ветвь.
Вы продолженье
рыцарского рода,
которому не гнуться,
не стареть!
Всегда верны вы
ленинской святыне,
штурмуя повседневный перевал.
Вы гордо запеваете
и ныне
партийный гимн
«Интернационал».
Я вижу в каждом
друга и героя,
и жизнь мою
ваш озаряет свет.
Тебя я знаю,
племя трудовое,
и написать стремился
твой портрет.
Исполнены вы
силой благородной
не для красивых слов,
не напоказ,
таким встает
перед людьми
сегодня
Его Величество
рабочий класс.

**Авторизованный перевод
с украинского
Леонида ВЫШЕСЛАВСКОГО.**

ДМИТРИЙ НАЛБАНДЯН

Анатолий ПАРАМОНОВ

Дневной свет через широкое окно заливал мастерскую. Художник, заканчивая картину, накладывал последние мазки. В картине преобладали насыщенные, глубокие тона. Словно тревожная октябрьская ночь ворвалась сюда, в вестибюль Смольного. Лишь фонарь в руках военного моряка освещает Владимира Ильича и пространство вокруг него. «Канун Октября» — называлось полотно Дмитрия Аркадьевича Налбандяна. Он изобразил исторический момент — приход В. И. Ленина в Смольный для непосредственного руководства вооруженным восстанием. В вестибюле, на лестнице, Ильича встречают отряды питерских рабочих, моряки, солдаты. Рядом с Лениным — Ф. Э. Дзержинский.

...Отложив палитру и кисти, художник предложил сесть в кресло. Я не впервые в мастерской Дмитрия Аркадьевича и давно слежу за его творчеством. Каждый раз бывает интересно беседовать с ним, слушать его рассказы о себе, о встречах, о поездках, о том, как создавалась та или иная работа.

Вот и сейчас, глядя на законченное полотно, мастер вспоминает сложные и длительные пути идейно-художественных поисков. Прежде чем написать картину, живописец изучал документы в архивах, консультировался с историками, знакомился с воспоминаниями участников события. Обогащая свое воображение точным документальным знанием великого исторического события, художник стремился проникнуть в самую его суть, воссоздать образы героев революции. Эскиз следовал за эскизом, создавались многочисленные этюды отдельных фигур, неоднократно писался интерьер Смольного. Так упорно он трудится над каждой картиной, посвященной ленинской теме. Важное подспорье в этой работе — документальные киноленты и хроникальные фотографии. Налбандяну посчастливилось встречаться с соратниками Владимира Ильича — с Серго Орджоникидзе, М. И. Калининым, К. Е. Ворошиловым, С. М. Буденным, Ем. Ярославским, со многими старыми большевиками. Из рассказов всех, кто близко знал Ленина, художник черпает конкретные представления о нем как о великом вожде и человеке, полностью сознавая ответственность и трудность задачи воплощения этого образа. Все это заставляет его трудиться с особым волнением и с полной мобилизацией своих творческих возможностей.

«Воссоздать неисчерпаемый по богатству мир чувств и мыслей Ленина — здесь недостаточно быть, так сказать, только психологом, — писал Налбандян несколько лет назад в газете «Правда».— Здесь невозможно обойтись без глубокого понимания движущих сил истории, величайшей роли преобразовательной деятельности партии и народа. Поэтому всякий раз, приступая к работе над образом Ильича, я чувствую, будто вновь сдаю серьезный экзамен не только на художественную, но и на идейную зрелость».

В своей «Лениниане», состоящей из многих десятков полотен и рисунков, Налбандян предстает правдивым художественным летописцем, запечатлевшим вождя мирового пролетариата на различных этапах его великого революционного пути. Мы видим Ленина — создателя Коммунистической партии, вождя Октябрьской революции, ощущаем его кипучую энергию и созидательную деятельность в первые годы Советской власти. Образы и события, воплощённые художником, покоряют достоверностью и чувством исторической эпохи, наполненной героикой революционной борьбы за новое общество.

В картине «В. И. Ленин в подполье» мы видим Владимира Ильича в предоктябрьские дни 1917 года. Вынужденный скрываться от ищеек Временного правительства, он продолжал напряженно работать, готовя партию и народные массы к штурму старого мира. Свет от керосиновой лампы на столе выхватывает из сумрака комнаты фигуру пишущего В. И. Ленина, его сосредоточенное лицо. Зритель чувствует, что за стенами этого временного убежища бурлит жизнь, назревают решающие революционные бои.

В широко известных картинах «В. И. Ленин в 1919 году», «Ходоки у В. И. Ленина», «Выступление В. И. Ленина на Красной площади» Налбандян обращается к незабываемым героическим дням, овеянным революционной романтикой, решает тему Ленин и народ. Он передает те черты Ильича, которые дороги всем: его неразрывную связь с народными массами, революционную прозорливость, величайшую простоту и человеческое обаяние. Гигантская организующая роль Ленина в строительстве нового государства нашла отражение в картине «В. И. Ленин на IX съезде партии». За столом президиума Владимир Ильич и его соратники. По существу, это полотно можно назвать и сложным групповым портретом и картиной на историко-партийную тему. В нем мастерски передан напряженный ритм работы, деловая атмосфера съезда, обсуждавшего важнейшие вопросы хозяйственного строительства, план электрификации страны.

Художник старается правдиво и достоверно воссоздать образ В. И. Ленина в различной обстановке, представить его во взаимоотношениях с людьми или в момент напряженного труда. Работая над полотном «Выступление В. И. Ленина на заводе АМО в 1918 году», он встречался со старожилами завода, которые тогда в столярном цехе слушали речь Ильича. С превосходным мастерством выполнена картина «В. И. Ленин в Горках». Образ работающего за письменным столом Ленина трактован с особой теплотой и задушевностью. Художник убедительно передает не только всем знакомые портретные черты, но и состояние вдохновенного труда, которое всегда было присуще Владимиру Ильичу. Интерьер рабочей комнаты в Горках написан с натуры; расстилающийся за огромным трехстворчатым окном зимний солнечный пейзаж как бы раздвигает стены комнаты, наполняя ее светом и воздухом.

Многие работы Д. А. Налбандяна на ленинскую тему лиричны, в них акцентировано внимание на глубоко человеческих свойствах характера Владимира Ильича. В редкие свободные минуты Ленин с удовольствием совершал прогулки. Эти трогательные моменты общения с природой запечатлены в работах маслом, акварелях и рисунках.

Все, что сделано художником на ленинскую тему, очень ценно и значительно, эти картины получили широкую известность. Он не останавливается на достигнутом и упорно продолжает творческие поиски в решении дорогого всем нам образа.

Среди произведений Дмитрия Аркадьевича на историко-революционную тему надо выделить большое полотно «Похороны Н. Э. Баумана». Художник показывает, что эти похороны вылились в мощную демонстрацию московского пролетариата, явившуюся грозным предвестьем декабрьского вооруженного восстания 1905 года.

В ряде полотен он воссоздает события Великой Отечественной войны: «Подарок фронту», «Последний приказ полковника С. Закияна».

Значительна его картина «На Малой земле», выполненная в 1975 году в связи с празднованием 30-летия великой Победы над фашистской Германией. В центре многофигурной композиции — образ Леонида Ильича Брежнева, начальника политотдела 18-й армии, героически сражавшейся за освобождение Кавказа.

Создание живописных полотен большого общественного содержания, раскрывающих важнейшие этапы жизни нашей страны и революционной истории народа,— главное в творчестве Налбандяна. Но он успешно работает также в портретном и пейзажном жанрах, создает натюрморты.

К каким бы темам и жанрам ни обращался художник, всегда чувствуешь глубокую идейность, неразрывную связь с действительностью, стремление запечатлеть образы строителей нового мира, передать дыхание современности. Отсюда публицистичность его творчества, четко выраженная партийная направленность. Но мы обеднили бы представление о мастере, если бы ограничились определением художник-публицист. Его искусство эмоционально сложнее, в произведениях живо-

Д. Налбандян. Род. 1906. На развороте вкладки: ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В 1919 ГОДУ. 1970.

ЗА СЫНА МОЕГО. 1971.

Д. Налбандян. МАТЕРИНСТВО (ИНДИЯ). 1969.

СИРЕНЬ. 1975.

писца много взволнованного, поэтического чувства, лирики. Эта сторона его творчества не менее значительна и дает лучшим работам внутреннюю теплоту и жизненную полнокровность.

Налбандян — убежденный и последовательный реалист. Для воплощения своих творческих замыслов он использует богатый арсенал живописно-пластических средств. С годами его мастерство обогащается и совершенствуется.

Дмитрий Аркадьевич прошел большой творческий путь. В формировании его как человека и живописца важную роль сыграли профессора Тбилисской Академии художеств, где он учился с 1924 по 1929 год. С большой благодарностью мастер вспоминает Е. Е. Лансере и Е. М. Татевосяна — известных художников-реалистов, открывших ему высокие идейные и гражданские цели творчества, пробудивших горячую любовь к русскому демократическому искусству и живой интерес ко всем прогрессивным явлениям мировой культуры. Для художественного развития ему много дала творческая дружба с такими мастерами, как А. Герасимов, И. Грабарь, П. Радимов, П. Соколов-Скаля, которые обратили внимание на его ранние работы и поддержали их. Навсегда запомнилась Дмитрию Аркадьевичу встреча с М. Нестеровым и его слова: «Да, молодой человек, необходимо много работать, чтобы стать настоящим художником. Один талант — это еще мало, необходим труд».

С начала 1930-х годов, переехав в Москву, Налбандян выступает не только как живописец, но и как график-карикатурист, плакатист. Важным фактом творческой биографии молодого художника явилось его участие на таких крупных выставках предвоенных лет, как «XX лет РККА» и «Индустрия социализма». В годы Великой Отечественной войны он работает в Тбилиси, а затем в Ереване, где принимает активное участие в организации армянского отделения «Окон ТАСС», создает сатирические рисунки и агитационные плакаты. Его живописные произведения тех лет отразили героизм нашего народа на фронте и в тылу.

Дмитрий Аркадьевич создал обширную портретную галерею славных тружеников нашей индустрии и сельского хозяйства, воинов, ученых, деятелей культуры и искусства, выполнил портреты деятелей Коммунистической партии и Советского государства — Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного, С. М. Буденного, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна, И. Х. Баграмяна, старого большевика Ф. Н. Петрова.

Горячее желание запечатлеть образ нашего современника, раскрыть его мысли и дела, идейную целеустремленность — вот чем прежде всего определяется глубокий интерес художника к портретному жанру. Он не представляет своего творчества вне постоянного общения с будущими героями своих портретов, которое дает ему настоящий творческий заряд и глубокое знание людей, возможность по-настоящему увидеть и понять человека труда. Давняя дружба сложилась у художника с рабочими московских заводов, депо Москва-Сортировочная, с совхозом Горки-II и другими коллективами. Как и во всем своем творчестве, в портретных работах живописец опирается на плодотворные традиции русского демократического искусства. «Творения великих реалистов прошлого,— говорил Налбандян,— это незаменимая школа мастерства. Для меня среди художников прошлого особое место занимают замечательные художники-передвижники Репин, Суриков, Ярошенко, Крамской и другие. У них я нахожу редкостное умение передать внутреннюю жизнь человека при сохранении удивительной жизненной конкретности, осязаемости образа. Их творческие заветы плодотворны и сегодня». Одновременно живописец учится у лучших советских художников-портретистов.

Непосредственно в цехах завода «Серп и молот» он писал портреты рабочих В. Е. Объектова и А. И. Петухова. На полотнах мы видим типичных представителей советского рабочего класса, подлинных хозяев производства, пытливых новаторов. В заводской обстановке написан и портрет мастера кузнечного цеха автозавода имени Лихачева Валерия Андреева. Образ молодого рабочего трактован психологически и живописно убедительно, в портрете тонко разработана сложная гамма цветовых отношений.

Большое внимание Налбандян уделяет созданию образов сельских тружеников. В композиционном портрете Героя Социалистического Труда доярки Ф. В. Сташенковой он раскрыл трудолюбие и душевную красоту советской женщины. Выразителен портрет Героя Социалистического Труда работницы племенного завода «Караваево» В. А. Трофимовой, написанный после поездки с группой членов Академии художеств СССР в «Караваево» в 1971 году. Перед нами человек обаятельный, духовно богатый. «Я поражался меткости ее суждений о театре, живописи, музыке»,— вспоминает Налбандян, обобщая свои впечатления о Трофимовой.

Ежегодно бывая в Армении, художник много и плодотворно работает. С подлинным живописным темпераментом исполнены портреты рабочего Аташеза Мазояна, армянских колхозников. В каждом из этих произведений ощутима живая связь мастера с жизнью, определяющая особый, любовный подход к натуре, стремление показать наиболее ценные душевные качества человека. Это чувствуется и во всем облике заслуженного учителя М. С. Тавмасяна из селения Аштарак. На светлом, золотистом фоне осеннего сада крепкая, широкоплечая фигура старого учителя кажется особенно внушительной.

Среди полотен, посвященных деятелям советской многонациональной культуры, надо отметить портреты художников П. Радимова, П. Соколова-Скаля, Е. Кацмана, А. Кибальникова, композиторов А. Хачатуряна и В. Овчинникова, артистов А. Айдиняна, М. Царева, режиссера И. Туманова, писателей Б. Лавренева, А. Исаакяна, Г. Севунца, Г. Гулия. Художник обычно пишет людей, близких ему по творческим устремлениям, по душевному складу. Портретируемые чаще изображены не в момент творчества, а как бы за беседой, размышлением. Мастер стремится прежде всего выявить их психологическое состояние, напряженную духовную жизнь.

Подкупающе правдив «Портрет художника и поэта П. А. Радимова», с которым Налбандяна связывала большая человеческая и творческая дружба. Радимов запечатлен в домашней обстановке, с гитарой. Вот так часто, в часы отдыха, перебирая струны, он тихо напевал задушевные русские песни. От всего его облика веет уютом и приветливостью. Седые вьющиеся волосы обрамляют простое русское лицо, голубые, по-молодому зоркие глаза искрятся добротой и лаской. Живопись портрета энергична, пастозна, выразительна по цвету.

Творческой удачей явился «Портрет матери», впервые показанный на VIII Академической выставке. В нем привлекает внутренняя теплота, особая проникновенность трактовки образа старой женщины. Большое внимание уделено здесь не только лицу, но и рукам — прекрасным трудовым рукам матери, которые могут и умеют делать все.

Своеобразны народные образы, созданные в обобщенных портретах «Будьте здоровы», «За сына моего». В них отразились черты характера народа, искрящийся юмор, оптимизм. Все это прекрасно выражено не только в жанровом сюжете, но и в мажорном, ярком колорите, в сочной живописи.

Прекрасный мастер композиции, Налбандян неоднократно обращался к групповому портрету. Значительным достижением советской живописи явилось законченное в 1976 году большое произведение, изображающее выдающихся деятелей армянской культуры. В квартире Ованеса Туманяна собрались друзья и единомышленники — крупнейшие общественные деятели, писатели, музыканты, художники — лучшие представители армянского народа. Среди них Исаакян, Акопян, Спендиаров, Ширванзаде, Терьян, Демирчян, Абелян, Башинджагян, Суренянц. У рояля композитор Комитас. Всех их сплачивает чувство огромной любви к своей родине, к ее культуре и трудолюбивому народу. При создании этого полотна органично сплавился богатый опыт работы художника над тематической картиной, портретом и пейзажем. Отсюда выразительность композиции, яркость характеристик, естественность жестов, превосходная передача интерьера комнаты, свето-воздушной среды и южного горного пейзажа за окном. Колорит выдержан в насыщенной цветовой гамме.

Сходные идейно-художественные проблемы Налбандян решает и в картине «А. М. Горький у И. Е. Репина в Пенатах». Здесь художник выразил то огромное преклонение, которое всегда испытывал к этим великим деятелям русской культуры.

Мастер много работает как пейзажист, его творчество в этой области основано на лучших традициях. Лирика и широта чувств, интимность, бурный темперамент и внимательный анализ в его бодрых и красочных пейзажах сочетаются в органическом единстве. Все это от неуемной жадности художника к красоте окружающего мира, от постоянного стремления к постижению внутренней жизни природы. Он пишет леса и поля средней полосы России, горы Кавказа и Крыма, много работает во время зарубежных поездок. На протяжении долгих лет художник часто обращается к образу любимой Москвы, с теплотой и искренностью он запечатлел величественные ансамбли центра столицы — Кремль, Красную площадь, московские улицы и бульвары. С этюдником исходил окрестности древних подмосковных городов — Можайска, Звенигорода, Загорска, Волоколамска. Эти работы просты по сюжету, поэтичны. Вот, например, «Москва-река у Николиной горы». Жаркий летний полдень. В спокойной глади реки отражаются и синева неба с легкими облаками, и прибрежный лес, и стадо коров, пасущихся на противоположном крутом берегу. Во всем ощущается присутствие человека. Тропинка у нижнего края картины как бы приглашает зрителя войти в пейзаж, пройти вдоль берега и посидеть в тени прибрежных кустов, наслаждаясь прохладой.

Часто пейзажи выполнены за один сеанс. При этом в них сохраняется свежесть первого впечатления, правдиво переданное состояние, особенности освещения, колорита. В пейзажах Налбандяна отражены все времена года. Каждый раз он пишет весеннее пробуждение природы, изображает ее летом — в блеске красок, в солнечных бликах. Охотно работает на пленэре осенью — широкий, свободный мазок передает богатую симфонию желтых, оранжево-золотистых, серебряных оттенков. Неяркая голубизна неба, багряный цвет листвы, вспыхивающей на солнце золотым пламенем,— все это пробуждает у зрителя особые чувства, позволяет насладиться чарующей красотой сентябрьского убранства. Словно волшебный мир сказки открывается в картине «Осень. Тишина». Мужская фигура, уходящая по дороге в глубину леса, как бы растворяется среди мерцающих и пламенеющих красок. Вместе с одиноким путником зритель погружается в лесную тишину, где не слышно гомона птиц, только печально качаются верхушки деревьев да шелестят пожухлые листья под ногами.

Работая в зимнее время, художник любит передавать контраст темных стволов деревьев и снега, ярко-голубые тени на белом покрове земли в солнечные дни. В каждом этюде мастер находит живописный ключ, строя цветовую гармонию на тонких цветовых нюансах. Часто в его пейзажах изображены сельские или дачные постройки, вносящие ощущение обжитости, говорящие о близком присутствии людей. Вместе с тем это обогащает ритмический и цветовой строй, помогает решать пространство.

Многие пейзажи выполнены на Кавказе и в Крыму. Особенно охотно пишет художник в Армении. Горы, озеро Севан на его полотнах выразительны и неповторимы. Бело-розовая кипень цветущих садов, которая вносит настроение ликующей радости в суровый скалистый пейзаж, воздух, наполненный бодрящей свежестью,— эти картины природы особенно впечатляющи.

В ряде его работ мы видим Араратскую долину. Художник любуется сверкающей снежной вершиной Арарата, его гордой красотой, пишет Арарат с разных точек, в различное время суток, улавливая тончайшие оттенки то сиреневo-розовых, то серебристо-голубых и кобальтовых тонов. В пейзаже «Возвращение с гор» он приближает к зрителю первый план и дает характерную жанровую сцену. По каменистой, обожженной горячим солнцем дороге из глубины картины медленно движется стадо овец, сопровождаемое пастухами. На горизонте в розовато-сиреневой дымке возвышаются горы. Живописец наполняет изображенную сцену поэтическим чувством, выражая в ней свою глубокую любовь к армянской земле и ее людям. Раскрывая нерасторжи-

мую связь человека и природы, он стремится к созданию обобщенного образа родной Армении. «Утро чабана. Любимая песня» — это пейзаж и одновременно жанровая картина, в которой выражено гармоническое единство человека с окружающим миром.

Много солнца, красочной декоративности и в крымских пейзажах. Художник пишет буйную южную растительность, скалистые берега, просторы Черного моря. В разное время дня запечатлен в картинах Гурзуф. Налбандян изображает панораму города на берегу залива, где золотисто-коричневые скалы чередуются с зеленью, постройками, и все это как бы тает в бирюзовом мареве летнего жаркого дня, сливаясь с синевой моря и неба. В вечерние часы колорит меняется. Краски природы, позолоченные розовато-палевыми лучами заходящего солнца, приобретают особую плотность и интенсивность. Не считая себя маринистом, мастер тем не менее довольно часто обращается к изображению моря, водной стихии, находя и здесь неисчерпаемые мотивы и формы. Где бы он ни был — на берегу Неаполитанского залива или на Рижском взморье, на Черном, Каспийском или Средиземном морях,— везде неутомимо наблюдает и пишет с натуры, стараясь уловить тончайшие цветовые нюансы воды, изменчивый, причудливый рисунок волн. Величественное впечатление производит его пейзаж «Море», который создан на основе этюдов, написанных на Черном море. В этом произведении Налбандян достигает большого живописного мастерства, свободы владения цветом и разработки богатой и разнообразной фактуры с применением лессировок. Картина заставляет вспомнить лучшие произведения русских маринистов.

Он любит писать цветы, фрукты и ягоды, кувшины и вазы, оттачивая в работе над натюрмортом свое живописное мастерство, глубже постигая законы цветовых отношений, пластическое и красочное богатство предметов. Кажется, нет предела увлеченности, с какой он передает прозрачное стекло, блестящий металл, кувшины, покрытые глазурью, глянцевую или бархатистую поверхность фруктов, нежную структуру цветов, яркую пестроту мягких ковров и декоративных тканей. Но основным для художника остается выражение внутренней правды, живость впечатления, лиризм. В его букетах роз, гладиолусов, сирени, в охапках полевых цветов — ромашек и васильков, пронизанных солнечным светом, стоящих в корзинах, кувшинах или в вазах на дачной веранде, — мы чувствуем стремление выразить волнение и радость перед красотой природы. Цветы и окружающие предметы как бы живут своей особой жизнью, всегда напоминая о близком присутствии человека. Не случайно предметный мир занимает большое место в его тематических полотнах.

Интересны и работы, выполненные во время зарубежных поездок — в Индию, Италию, Испанию, Францию, Грецию, Голландию. Художник тонко чувствует особенности каждой страны. Особенно много он работал в Индии, куда ездил неоднократно, посетил Дели, Джайпур, Агру, Калькутту, Мадрас, Бомбей, всюду — в городах и деревнях — делая этюды и зарисовки, передавая своеобразие национального быта, красочную природу, памятники архитектуры. Но в центре его внимания — трудовой народ, сбросивший оковы английского империализма, вдохновенно строящий новую жизнь. Налбандян создал ряд портретов политических деятелей этой страны, в том числе Джавахарлала Неру и Индиры Ганди. Индийская серия, за которую ему была присуждена премия имени Дж. Неру, неоднократно демонстрировалась на различных выставках. В 1970 году она была показана в Дели, Лакхнау, Бомбее и имела большой успех, способствуя дальнейшему укреплению дружбы и взаимопониманию между народами СССР и Индии.

Налбандян — прекрасный мастер рисунка. В его папках и альбомах хранятся сотни зарисовок, сделанных во время многочисленных поездок. Выполненные карандашом, пастелью, фломастером, акварелью, они имеют не только вспомогательное значение для работы над картиной. Многие из них самостоятельны и чрезвычайно ценны как живые свидетели непосредственного отклика на те или иные явления жизни.

Общественная активность — черта, присущая вообще советскому художнику. Но в деятельности художника-коммуниста Налбандяна она проявляется с особой наглядностью. Органическая потребность мастера — общение с широкой аудиторией зрителей. Для этого он много ездит по стране, встречается с рабочими, колхозниками, учеными, воинами, молодыми художниками. Выставки работ Дмитрия Аркадьевича устраиваются во дворцах культуры, в рабочих и сельских клубах, в цехах заводов, в совхозах, в воинских частях. В его мастерской хранятся многочисленные книги отзывов и письма с выражением горячей признательности и благодарности зрителей.

Как художник-патриот Налбандян сознает свой высокий долг перед народом, ответственность за судьбы развития отечественного искусства. Позиции социалистического реализма он отстаивает не только своими произведениями, часто выступает он в прессе со статьями по актуальным вопросам развития живописи. Остро критикует «новаторство» современных буржуазных модернистов, разного рода попытки «авангардистов» навязать советскому искусству бесплодное экспериментаторство. Он видит новаторство не в отказе от принципов реализма, а в их дальнейшем развитии. «Чтобы стать таким подлинным новатором,— пишет художник,— нужно посвятить свой талант народу, великим историческим и прогрессивным общественным целям, нужно овладеть вершинами профессионального мастерства. В наше время это значит быть верным ленинским идеалам партийного, народного искусства, это значит исповедовать и утверждать принципы социалистического реализма».

...Художнику исполняется семьдесят лет, позади сорок пять лет творчества. Но с годами не иссякает энергия и поразительная трудоспособность. Его заслуги высоко оценены, он народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, дважды лауреат Государственной премии СССР.

Дмитрий Аркадьевич Налбандян всегда среди тех деятелей нашей художественной культуры, кто своим активным творчеством вносит весомый вклад в общенародное дело строительства коммунистического общества.

ТАНЦЫ

В. ВАРЖАПЕТЯН

Я пришел в гости к старой эскимоске, угощавшей меня чаем, смотрел на ее коричневое лицо, обожженное морозом и солнцем, иссеченное морщинами и черными линиями татуировки. Старуха вспоминала, как трудно жилось ее маленькому народу.

— А нас называли веселыми людьми. Ты, наверное, не знаешь, почему. Однажды на нас пошло войной большое племя, а нас, науканцев, было мало. Мужчины принесли камни, достали луки и копья: они не боялись врагов. Но верно говорят, что ум сильнее копья. Самая старая женщина сказала своим детям: «Положите оружие и возьмите бубны, смочите водой, чтобы моржовый пузырь стал тугим и звонким. Нарисуйте на камнях веселые лица, оденьте их в праздничные камлейки. Танцуйте и громко пойте».

Чужое племя издалека услыхало грохот бубнов, а когда подошли ближе, увидели, как все селение поет и пляшет. И тогда вождь чужого племени сказал: «Люди Наукана знают, что мы пришли, но им так весело, словно они добыли пять гренландских китов. Значит, они не боятся нас, значит, они сильнее. Надо поскорее уходить отсюда...» Враги ушли, а нас с тех пор называют веселыми людьми.

Мне было хорошо. Я сидел в эскимосском доме на берегу Берингова пролива, за много тысяч километров от своего дома, выходящего окнами на Москву-реку. Каждый день я встречался с эскимосами—народом отважным, красивым и добрым. Пожимая руки этих людей, я словно прикасался к своей заветной мечте; я ехал сюда за экзотикой и нашел ее. Нет, не снежные домики-иглу, не единоборство с белым медведем, не камлание шамана: это все равно что в центре Москвы искать человека в лаптях и армяке. Просто вся жизнь этих людей удивительна и необычна. Их имена, лица, одежда; малыш, рассматривающий портрет Юрия Гагарина в эскимосском букваре; вездеход, остановившийся у правления колхоза; кожаные байдары на берегу; комсомольский «огонек» в поселковом клубе.

Жизнь северного народа неузнаваемо изменилась, но есть в ней и то, что сохранилось еще с давних времен и что бережно передают из поколения в поколение сегодня. Это песни и танцы. До сих пор у многих жителей Чукотки сохранились «Личная песня» и «Личный танец». Есть «памятные» песни: их создавали в пору тяжких испытаний; поются они лишь в кругу семьи, и нужно быть другом человека, чтобы услышать его «памятную» песню.

...Охотника Суглягина из стойбища Аракамчечен застала в тундре пурга. Несколько дней ураганный ветер гнал снег; трудно было дышать, невозможно идти. Нет еды, обморожены ноги. Но охотник надеялся, что его найдут. Об этом и пел он в суровой, мужественной песне: «Безногий не может ходить... И на руках я, наверное, не смогу передвигаться. Я давно жду, что кто-то приедет на нарте, накормит меня, привезет домой и я сразу оживу. И если не смогу ходить, то научусь летать, как летчик». Когда утихла пурга, товарищи нашли Суглягина, привезли в родное стойбище; он еще был жив. Он еще нашел силы спеть жене и детям свою последнюю песню.

...Для свободного человека нет ничего страшнее неволи. Каждую ночь эскимосу Атанеку снился родной Наукан. И каждое утро он просыпался в тюрьме. Рядом тяжело вздыхал его товарищ, чукча Тегринкеу. И Атанек решил умереть. И умер бы, если бы не Тегринкеу. А вскоре Октябрьская революция распахнула двери Петропавловской тюрьмы, и друзья отправились к родным берегам. В пути Атанек сочинил песню: «Как хорошо испытывать радостное настроение! Я возвращаюсь домой издалека, возвращаюсь от врагов на шхуне «Камчатка»!» Эту песню он передал дочери Кымлине, а она своему сыну Асыколяну.

Асыколян — один из лучших танцоров поселка Сиреники. Когда он приходит в клуб — худощавый, невысокий, взлохмаченный, в грязной спецовке,— не поверишь, как красив он на сцене. Но вот он надел праздничную камлейку и расшитые бисером торбаза. Услышал удары палочки из китового уса по туго натянутому бубну — и мгновенно преобразился. Теперь он весь напруженный, быстрый, гибкий, подчинен ритму. Что бы он ни исполнял — созданные им «Танец плотника», «Охота на моржа» или танцы своего учителя Нутетеина,— Асыколян каждый раз приводит зрителей в восхищение.

НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

И радуется сам. Потому что танец для Асыколяна — прежде всего счастье творчества, одна из главных радостей жизни.

Он научился танцам в Наукане и привез их в Сиреники. Местные эскимосы раньше не умели танцевать. Почему? Этого никто мне объяснить не мог, ни сами жители, ни ученые. Это удивительно тем более, что танцы — неотъемлемая, очень важная часть жизни людей Чукотки. Если эскимос не умел танцевать, рассказ о таком человеке передавали от отца к сыну: «Это было, когда жил такой-то, который так и не научился танцевать».

— Но мы действительно не знали танцев,— сказала Парина, руководитель ансамбля «Киугъяк».— Нас научил эскимос Нутаугье, когда переехал из Имтука в Сиреники и стал первым председателем кооператива. Он очень тосковал без танцев и стал нас учить, а в 1948 году мы создали самодеятельный ансамбль «Киугъяк», по-русски — «Северное сияние».

Первыми участниками стали Сивугун, Сайвак, Нунуна, Каксяка, Рахтынаун, Ранумая...

— А как создается танец? Как рождаются музыка и движения?— спросил я Парину.

— Да я и сама не могу все до конца объяснить. Вот иду по улице или что-нибудь дома делаю и вдруг начинаю напевать. Напеваю, а руки сами движутся. Тогда все бросаю и бегу к магнитофону записать мелодию, а движения рисую на бумаге. Я для каждого движения придумала свой рисунок, вроде нот. Когда зарисую и запишу весь танец, бегу к подругам — Нанаун и Нунуне, и вместе репетируем.

Ансамбль «Киугъяк» — один из многих самодеятельных коллективов Чукотки; сейчас они существуют почти в каждом поселке: «Еоон» в Янракыннноте, «Солнышко» в Новом Чаплино, «Имле» в Уэлькале, «Уэлен» в Уэлене, «Ракушка» в Энмелене, «Белый парус» в Нунямо.

«Науканцы били в бубен, уэленцы пели, яндагайцы били в ладоши крепкими руками, девушки плясали» — эти слова В. Г. Тан-Богораза я вспомнил на концерте в Уэленском клубе. В тот вечер в клуб пришли, наверное, все жители. Нетерпеливо переговаривались, ждали. Но вот грозно зарокотали бубны. Сменяя друг друга, на сцену выходят танцоры в яркой национальной одежде. Сильные тела мужчин отзываются на каждый удар бубна. Женщины почти неподвижны, только покачивают бедрами, плавно поводят руками. Пять музыкантов все быстрее бьют палочками по звонким бубнам; властный древний ритм завораживает не только танцоров, но и зрителей.

Танцы следуют один за одним — исполняемые и с незапамятных времен, и созданные недавно. Гул одобрения всколыхнул зал, когда объявили, что Эмутеин, Тевельтеин, Каляч и Тнаукватагин исполнят «Старинный танец» Нутетеина.

Ноги мужчин напружинены, согнуты. Резкие изломы тел; причудливые, выразительные позы соединены жестким ритмом бубнов. Это танец Нутетеина и в честь Нутетеина — великого артиста, чья слава прогремела от Чукотского моря до Москвы; он был не только выдающимся хранителем эскимосского фольклора, но и замечательным его творцом. Нутетеин создал много танцев: «Ворон», «Ворон обучает своих детей летать и добывать пищу», «Заяц», «Косторезы», «Ремонт яранги», «Охота на песца», «Сбор яиц на скале», «Случай с американским торговцем». Но самый знаменитый—«Полет чайки против ветра».

...Ветер застиг чайку в открытом море. Он с грозным ревом подхватил птицу, смял ее крылья, бросил в кипящие волны. Оглушенная внезапным ударом, чайка поддалась буре. Но вот крылья снова обрели силу, глаза нашли синюю кромку родного берега, и чайка вступила в единоборство со стихией. И победила ветер.

Этот танец Нутетеин создал в Наукане — своем родном поселке, приютившемся на скалистом берегу Берингова пролива. Он пел, широко раскинув руки-крылья: настоящие волны разбивались у его ног, настоящий ветер рвал с них белые гребни, и настоящие чайки кричали над морем.

Чайка, ворон, кит — любимые герои древних эскимосских танцев. Бесконечная цепь поколений сумела не только сохранить искусство предков, но приумножить и развить. Танцы стали своеобразной летописью народа. Как по страницам книг, можно по ним восстановить хронику событий — этапы преобразований, свидетелями и участниками которых стали жители Советской Чукотки: «Строители домов», «Косторезная мастерская», «Челюскинцы», «Лампочка Ильича», «Летчик Петренко прилетел», «Телефонный разговор», «Спутник»...

Танец о летчике Петренко создал участник ансамбля «Уэлен» Гоном, он же его непревзойденный исполнитель.

— Петренко прилетел на Чукотку сразу после войны,— рассказывает Гоном.— Он возил почту, оборудование, пушнину, людей, продовольствие. Он спас десятки больных... Когда летел Петренко, все люди выбегали из домов, чтобы пожелать ему удачи.

Сейчас над Чукоткой летает ученик Петренко — Борис Комков, такой же отчаянный человек, влюбленный в свою работу. Ему Гоном посвятил танец «Комков делает посадку». Самолет сродни птице, и в танцах Гонома есть что-то от «Чайки» Нутетеина — мощь и ликование полета.

Конечно, в Уэлене сперва строили больницы и школы. Старики рассказывали мне, что первые репетиции ансамбля проходили в яранге великого танцора Атыка или на ровной площадке, огороженной камнями. Уже потом построили клуб. Когда на сцене собирались вместе Атык, Нутетеин с женой Рахтынаут, Умка и Эмун, их сын Эмутеин, это были великолепные праздники народного искусства, оставшиеся в памяти односельчан как дни счастья.

После смерти Атыка руководителем ансамбля стал Умка, после Умки — Эмутеин, достойный преемник своего отца и его друзей. Черноволосый, черноглазый, худощавый и гибкий, он, как и многие эскимосы, кажется значительно моложе своих лет. Жесты мускулистых рук пластичны и выразительны, приветливая улыбка приглашает к дружеской беседе.

— Самый большой и радостный был праздник Кита,— вспоминает свое детство Эмутеин.— К нему готовились заранее: шили праздничную одежду, тренировались в беге и поднятии тяжестей, вспоминали старинные песни и придумывали новые.

В день праздника старейшина надевал на голову оскаленную морду полярного волка — покровителя рода имтугмит. В яранге старейшины собирался род. Справа на низкой лежанке сидели женщины в коротких меховых штанах, с яркими бусами и браслетами; они танцевали сидя. Справа располагались мужчины, пели и били в бубны. А посреди яранги танцевал человек в маске.

У каждого мужчины были свои собственные песни. А женщины по древнему обычаю не могли слагать песен без особого разрешения шамана. Танцы, созданные женщинами, появились лишь в советское время, значительно расширив рамки традиционного искусства. Об этом мне рассказывали Эмутеин, Парина и руководитель ансамбля «Белый парус» Тулюн.

Чувство ритма у большинства жителей Чукотки врожденное, но искусству танца учатся годами, наблюдая за лучшими исполнителями, заучивая их движения, внося собственные элементы. Прежде чем исполнить сочиненный кем-то танец, надо получить согласие автора. Его дают не каждому. «Танец кита» Атыка исполнял Эмутеин, «Полет чайки против ветра» — Гоном.

Танцор Нутетеин.
Фото Дм. Бальтерманца

Эти танцы — поразительное явление, редчайший и совершенный образец первобытного искусства, в котором движение, музыка и слово слиты воедино.

Поэт Сергей Наровчатов, видевший в Уэлене «Танец кита» Атыка, писал:

И была в нем суть раскрыта,
Смысл искусства воплощен
От времен палеолита
Вплоть до нынешних времен...

* * *

Третий день в Сирениках бушует пурга. Комнату в маленькой гостинице продувает леденящий ветер. Сто раз в день откидываю занавеску и смотрю в окно, а там одно и то же: сопка, замерзшее море с черными языками разводий, мглистое небо, собаки, свернувшиеся пушистыми клубками. Крошечная дырка в оконном стекле с лучами трещин — словно солнце, нарисованное ребенком. Третий день я вижу только это солнце.

Сегодня в клубе репетиция.

Надеваю полушубок, унты, нахлобучиваю ушанку и выхожу из гостиницы. В стороне остались перевернутые вверх днищами байдары, ледяной припай, как белым пламенем, охваченный пургой. Несколько дней назад старый зверобой Ратхугье увидел там в бинокль белого медведя.

Я иду по улице Нутаугье, названной в честь охотника, который не мог жить без танцев.

«Создавать женщинам, имеющим детей, более широкие возможности работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, а также работать на дому...

Полнее использовать возможности для более широкого участия пенсионеров и инвалидов в общественном труде».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

НАДОМНИКИ

Валерий КАДЖАЯ

БАБУШКИН КЛУБОК

Айна Н., молодая миловидная женщина, достает из саквояжа детские вещи: шапки, кофточки, ботинки, связанные из шерсти. Контролер, придирчиво осмотрев их, остается довольна. Айна — одна из лучших вязальщиц. А всего пять лет назад она и представления не имела об этом деле. Тогда, после родов, Айна тяжело заболела. Молодая мать страшно переживала: она не сможет работать!— но врач успокоил: «Вам рано отчаиваться. Займитесь вязанием». И посоветовал обратиться в комбинат надомного труда.

Комбинат был создан в Риге одиннадцать лет назад, впервые в стране. Здесь работают инвалиды, пенсионеры, родители больных детей или грудных младенцев. Их принимают сюда только по направлению отделов социального обеспечения райисполкомов и, если есть такое направление, в любом случае предоставляют работу. Начальник трикотажного цеха Инна Николаевна Кожевина рассказывает, что у нее сейчас 740 надомников. Цех располагается в небольшом одноэтажном здании, где всего несколько комнат. Одна из них — учебный кабинет. Здесь учат вязать. Если же человек не может передвигаться, его обучает на дому инструктор. Да, среди рабочих комбината есть немало и таких. И лишь благодаря полученной возможности трудиться их жизнь вновь наполнилась смыслом.

Вместе с директором комбината Теодором Давыдовичем Эреншрейтом я навестил нескольких из них. Зигрида Б. Ей двадцать пять лет. Перенесла в детстве полиомиелит. Заочно оканчивает филологический факультет. Горисполком выделил ей однокомнатную квартиру, она получает пенсию, и все же кофточки, которые она вяжет, являются для нее не просто «финансовым подспорьем», но прежде всего моральной опорой. «После того, как я стала зарабатывать сама, своими руками, я перестала чувствовать себя инвалидом»,— сказала она.

Виктору О. сорок лет. Из них двадцать два года прикован к постели — у него поврежден позвоночник. Сейчас уже может садиться в кровати. Вяжет сетки. Обычные хозяйственные сетки. «Я пробовал писать стихи и сейчас пишу для нашей стенгазеты. К сожалению, таланта у меня не оказалось,— он говорит с улыбкой, и в глазах его я не вижу ни отчаяния, ни тоски. Скорее философская грусть.— Математик из меня тоже не получился,— продолжает он.— Хуже всего, когда лежишь, изо дня в день уставившись в потолок. И вот теперь есть наконец у меня занятие».

Я мог бы рассказать еще о многих таких людях, которых поддерживает работа, а некоторым приносит исцеление. Софья К. была ткачихой, ходила на танцы, жила без горя и забот — и вдруг первая группа инвалидности: порок сердца. Жизнь поблекла. Как-то Софья узнала про комбинат и быстро научилась вязать. «Сейчас я хорошо зарабатываю,— говорит она.— Если устану — полежу, потом снова вяжу, очень удобно. Или пойду в цех, встречусь со своими. Одной знаете, как плохо...»

Недавно Софье сняли инвалидность. Поправилась полностью.

Но большинство работников комбината не инвалиды, а пенсионеры. Для них надомничество — хорошее подспорье: 70—90 рублей в месяц. Однако не только в этом дело.

Эльзе Петровне Ш. 61 год. Много лет работала машинистом на хлебокомбинате. Получает пенсию. Дома, когда мы пришли, она была одна — дети на работе, внук в школе. На столе лежал почти готовый костюмчик для младенца — дело ее рук. На вопрос, почему она продолжает трудиться, Эльза Петровна ответила: «Чтобы не скучно было. Мы не нуждаемся».

Я беседовал со многими пенсионерами, и почти все они на первое место ставят не материальные блага, получаемые на комбинате, а моральное удовлетворение от сознания, что они «при деле». Медицинское обследование людей, которые после достижения пенсионного возраста продолжали в течение десяти лет работать, показало, что у восьмидесяти процентов из них организм почти не имеет старческих изменений. У их неработающих сверстников картина иная: лишь у 18 процентов изменений не обнаружено, у 49 процентов они выражены умеренно, у 33 — резко. Таким образом, проблема надомного труда, помимо экономической, оборачивается и другими гранями — социальной, медицинской, нравственной.

Пример рижского комбината показывает, что такого рода предприятия высокорентабельны, они выгодны и государству и самим надомникам. К этому надо добавить, что они дают очень нужную продукцию — товары широкого потребления. В Риге трикотажные изделия с маркой комбината разбирают за час-полтора. Пенсионеры работают не спеша и на совесть. Все модели утверждает художественный совет Министерства легкой промышленности Латвийской ССР. Мастера и технологи, которые помогают осваивать новинки, как правило, выпускники техникума прикладного искусства. Высокий уровень требований сказался на качестве.

ЗАБОТЫ, ОГОРЧЕНИЯ...

Комбинат не похож ни на одно другое предприятие. Например, нормы выработки здесь устанавливаются в зависимости от состояния здоровья рабочих. Их утверждает профсоюзный комитет по представлению начальника цеха и цехкома.

В прошлом году прибыль комбината составила более полутора миллионов рублей. Рабочие получают премии, «тринадцатую зарплату», путевки, квартиры. Ежегодно в порядке долевого участия комбинат перечисляет городу деньги на 6—8 квартир. Есть его доля и в строительстве бальнеологического санатория. Все желудочные больные обеспечены бесплатным диетическим питанием.

И тем не менее, несмотря на все это, комбинат пребывает в каком-то неопределенном положении. Рижане создали совершенно оригинальное предприятие, долгое время бывшее единственным в стране. Да и сейчас оно отличается от прочих, так как имеет много разных производств: трикотажные, ткацкие, швейные, галантерейные... Практически здесь могут подобрать работу любому пенсионеру или инвалиду. И все же слово «надомный» остается своего рода синонимом неполноценности. Раз надомный — значит, все на дому. Но это не так. Комбинат имеет девять цехов в 16 точках города. Однако цеха эти ютятся в совершенно неприспособленных домишках. Отсутствие своего производственного здания — самый больной вопрос. Деньги есть — миллион рублей лежит на счету в банке. Есть проект, есть участок, но сооружение не включено Госпланом республики в план капитального строительства на десятую пятилетку.

— А зачем, собственно, вам помещение?— спросил я Олега Терентьевича Бернасовского, заместителя директора по коммерческим и финансовым вопросам.

— У нас сейчас три тысячи работников. Две с половиной тысячи — надомники. Они шьют, вяжут, ткут. Но сырье и заготовки им надо же готовить. Например, мы выпускаем триста тысяч женских сорочек, восемнадцать тысяч комплектов спецодежды для торгующих организаций. Все это надо раскроить, укомплектовать, затем принять, проверить, упаковать и отправить потребителю. Кроме того, у нас есть строительный цех, энергоцех, цех по ремонту оборудования. Эти на дому уж никак не разместишь...

Склад сырья в одном конце города, склад готовой продукции — в другом, склад вспомогательных материалов — в третьем. Одни транспортные расходы сколько «съедают»! Есть цеха, куда даже телефон не проведен. Впрочем, цех — это звучит слишком громко. Я был в одном из таких — здесь ведут раскройку галстуков. 35 квадратных метров, бывшая квартира в подвальном помещении, списанная с жилого фонда.

— Вот так и выкручиваемся,— продолжал Олег Терентьевич.— Как узнаем, что где-то дом на снос хотят пускать, выпрашиваем для себя.

Сейчас появился еще один вариант. В самом центре Риги освобождается помещение завода «Дзинтарс», отличное пятиэтажное здание. Для комбината оно подходит по всем статьям: хорошее сообщение (это очень важно, учитывая контингент рабочих); никому мешать надомники не будут — производство у них тихое, без дыма и копоти, к тому же комбинат обязуется отремонтировать дом. К сожалению, вопрос этот никак не сдвинется с мертвой точки. Министерство пищевой промышленности, которому принадлежит «Дзинтарс», собирается разместить здесь конструкторское бюро и расстаться со зданием отказалось наотрез.

Конечно, никакому министерству не хочется отдавать свое помещение другому ведомству. Поэтому свое веское слово должен сказать Совет Министров республики. Ведь как отмечал на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, «далеко не все еще смогли до конца преодолеть отношение к производству товаров народного потребления как к чему-то второстепенному, побочному. Не все еще поняли, что это — дело ог-

ромного политического и экономического значения, непосредственно связанное с выполнением программных установок партии».

Много огорчений доставляет оборудование. Ручные ткацкие станки изготавливает одна из мастерских: конструкция дедовская. Если отсутствие помещения, оборудования, сырья—вопросы местного характера и решить их можно на месте, конечно, при должном понимании, то проблемы, связанные с общим положением надомников, выходят за пределы Риги.

ЭТО КАСАЕТСЯ ВСЕХ

Надомничество — замечательная форма привлечения к труду пенсионеров и инвалидов. Предприятий надомного труда становится все больше и больше. В Ригу за опытом приезжали из Баку, Брянска, Минска, Киева... Гости из Смоленска попросили помочь наладить производство, и рижане охотно откликнулись — в город на Днепре ездила главный инженер комбината Н. Мейер.

Демографические и социально-экономические тенденции таковы, что в перспективе надомничество как специфическая форма организации труда будет приобретать все большее значение. Об этом говорит и напряженный баланс трудовых ресурсов — свободных рабочих рук становится все меньше,— и повышение числа престарелых в составе населения, и возрожденный интерес к народным промыслам, где в подавляющем большинстве заняты надомники. Именно им обязаны мы тем, что сохранилось удивительное искусство вологодских кружевниц, дагестанских златокузнецов, латышских гончаров...

Поэтому уже сегодня надо думать об организации труда надомников. Необходимо разработать оптимальную модель предприятия, использующего их труд. Сфера их деятельности должна расширяться, включая лежащие недалеко от города деревни. В Швейцарии, например, надомники делают детали к часам, в Японии — транзисторы. И сфера и форма приложения их сил практически не ограничена. В рижском комбинате, скажем, в седьмом трикотажном цехе сумели приспособить помещение для приходящих работниц. Они трудятся по четыре часа. Таких здесь девяносто человек, в основном пенсионеры или матери, у которых младенцы. Контингент людей, занятых неполный рабочий день, можно увеличить хоть в пять, в десять, хоть в двадцать раз.

Пора переходить от самодеятельной инициативы к плановости. Может, есть смысл министерствам легкой и местной промышленности планировать производство соответствующей продукции в цехах надомников. С этой проблемой тесно смыкается другая: им надо помочь сырьем, оборудованием... Рижане с превеликим трудом добились того, что Госплан республики выделил средства на приобретение нового оборудования.

Наше общество заинтересовано в развитии надомничества. И с позиции государственно-экономической и с позиций нравственно-социальных. Дело это пока новое, но уже доказало свое большое значение. И, как всякое новое дело, оно нуждается в поддержке.

ГОСТЕПРИИМНАЯ ПРИЮТИНСКАЯ СЕНЬ...

Л. ТИМОФЕЕВ,
директор музея «Приютино»

Еще я прихожу под кров твой
безмятежный,
Гостеприимная, Приютинская
сень!
Я, твой старинный гость,
бездомный странник прежний,
Твою приютную всегда
любивший тень.

Н. Гнедич. «Приютино».

«Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню в Приютино, верст за 17. Там нашли мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес. Но зато комары делают из этого места сущий ад. Я никогда не видал подобного множества. Нельзя ни на минуту не махать руками: поневоле запляшешь камаринскую. Я никак не мог бы прожить тут и день один. На другой я, верно, сошел бы с ума и проломил себе голову об стену. Mickiewiz говорил: что это кровавый день. Пушкин был весь в прыщах и осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко».

Так писал П. А. Вяземский жене о своем посещении Приютина в мае 1828 года.

Летом 1828 года Пушкин часто бывает в Приютине. Здесь он встречается с П. А. Вяземским, А. С. Грибоедовым, Адамом Мицкевичем, И. А. Крыловым, М. И. Глинкой. Но все внимание поэта было поглощено в те дни красавицей Аннет, младшей дочерью Оленина, имя и портреты которой стали появляться на полях черновиков Пушкина.

Поэт не оставил без внимания нечаянную оговорку Анны Олениной, сказавшей ему «ты». Из-под быстрого пера появляются стихотворные строки:

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она обмолвясь заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

27 мая Пушкин привозит эти стихи в Приютино. Однако неудачное сватовство приводит к разрыву с домом Олениных.

* * *

Приютино принадлежало директору Публичной библиотеки и президенту Академии художеств А. Н. Оленину. Хозяин усадьбы был страстным собирателем и знатоком античного искусства, неплохим художником, автором многочисленных работ по древнерусской истории и первого печатного труда по отечественной палеографии. В его доме «предметы литературы и искусств занимали и оживляли разговор; совершенная свобода в обхождении, непринужденная откровенность, добродушный прием хозяев давали этому кругу что-то патриархальное, семейное»,— отмечал один из друзей оленинского дома.

Любовь к наукам, литературе и искусству сблизила Алексея Николаевича с самыми просвещенными современниками, в среде которых он слыл эрудитом, подлинным интеллигентом, скромным и мягким человеком, весьма гостеприимным и общительным хозяином. «Его чрезмерно сокращенная особа была отменно мила: в маленьком живчике можно было найти тонкий ум, веселый нрав и доброе сердце»,— вспоминал Вигель.

Своим человеком в Приютине был И. А. Крылов. Около тридцати лет, иногда по нескольку месяцев кряду, Крылов жил в Приютине в отведенных ему комнатах над господской банькой, где «маменька для шутки его запирала на ключ, чтоб он писал басни, что он и исполнял»,— вспоминала дочь Олениных, Варвара Алексеевна.

Иван Андреевич был организатором многих игр, сочинял шарады, которые очень любили в этом доме, участвовал в любительских спектаклях. «Мечтает там Крылов под тенью березы о басенных зверях и рвет Парнасски розы в Приютинских лесах», — заметил К. Н. Батюшков.

Долгая и крепкая дружба связывала хозяина усадьбы с Н. И. Гнедичем. Поэт, знаток античности и древнегреческого языка, Гнедич подолгу гостил в Приютине. Одно из лучших его поэтических произведений, идиллия «Рыбаки», была написана в этой гостеприимной усадьбе.

К именинам хозяйки усадьбы, Елизаветы Марковны, Гнедич сочинил комедию в двух действиях «Стихотворец в хлопотах, или вечер утра мудренее...», впервые сыгранную 5 сентября 1815 года в Приютине. «Господин Приютин», отмечал Н. И. Гнедич, «играл посредственно» роль Ивана Сидоровича Стихоплиоткина, а вот «господин Леньтягинов» (И. А. Крылов), сыгравший тамбовского откупщика Дубинина, «замечательный был мимик».

В Приютине Гнедич увлеченно работал над переводом бессмертной гомеровской «Илиады», о чем и писал в стихотворении «Приютино»:

Здесь часто по холмам бродил
с моей мечтою,
И спящее в глуши
безжизненных лесов
Я эхо севера вечернею порою
Будил гармонией
Гомеровых стихов.

В Приютине можно было встретить О. Кипренского, «кистию чудесной с беспечностью прелестной» писавшего портреты хозяина усадьбы, его детей и многочисленных друзей. Здесь гостили и работали К. Брюллов и А. Брюллов, с которыми был дружен А. Н. Оленин. Сюда на суд знатоков и любителей театра привозил свои трагедии Владислав Озеров, а Гнедич репетировал роль Антигоны с трагической актрисой Екатериной Семеновой.

В вечерах, спектаклях, играх и шарадах принимали участие многие из тех, кто 14 декабря 1825 года вышел на Сенатскую площадь. Алексей, младший сын Олениных, сам был членом «Союза благоденствия». В Приютине можно было встретить братьев Александра и Николая Бестужевых, М. П. Бестужева-Рюмина, С. П. Трубецкого, С. Г. Волконского — двоюродного брата А. Н. Оленина...

«Приют для добрых душ...»,— писал К. Н. Батюшков об усадьбе, ставшей настоящим приютом русских поэтов, художников, ученых, актеров и музыкантов.

В 1838 году умирает жена А. Н. Оленина. Выполняя волю покойной («Так как Приютино будет после меня тебе, другу моему, тяжело видеть и напоминать меня... желаю после смерти моей, чтобы его продали»), Оленин продает усадьбу. «Гостеприимная, Приютинская сень» попадает в руки предпринимателя, превратившего уголок муз под Петербургом в доходное молочное хозяйство.

Шли годы... Старинная усадьба пришла в запустение, и до наших дней сохранилась только часть ее. На покатом левом берегу небольшой речушки Лубьи стоит двухэтажный господский дом. Рядом, ближе к дороге, флигель для многочисленных гостей, людская и две хозяйственные постройки.

В старом парке на месте, где когда-то рос дубок, посаженный старшим сыном Олениных — Николаем (погибшим в Бородинском сражении), сохранился памятный камень. На противоположном берегу пруда возвышается ротонда.

Большим праздником в жизни Приютина стало 17 декабря 1974 года. В этот день здесь открылся историко-художественный музей.

В двух залах, расположенных в первом этаже бывшего господского дома, развернута музейная экспозиция. Она рассказывает об А. Н. Оленине, о его связях с деятелями литературы и искусства и их пребывании в Приютине; о войне 1812 года, участниками которой были дети Олениных и многие из их друзей.

Здесь можно увидеть бюро, бронзовые часы с бюстом Вольтера, часы-брегет, принадлежавшие А. Н. Оленину, портреты его сыновей Петра и Алексея, выполненные Карлом и Александром Брюлловыми. Они хранились у потомков Алексея Николаевича, а потом были переданы в музей. Немало интересных материалов поступило в музей и от потомков А. П. Брюллова и Всеволожских. Да и многие москвичи и ленинградцы, узнав о начале возрождения Приютина, стали участниками создания музея.

Приютино возрождается, и мы уверены, что в будущем удастся создать неповторимый по своей красоте и значению музей-заповедник.

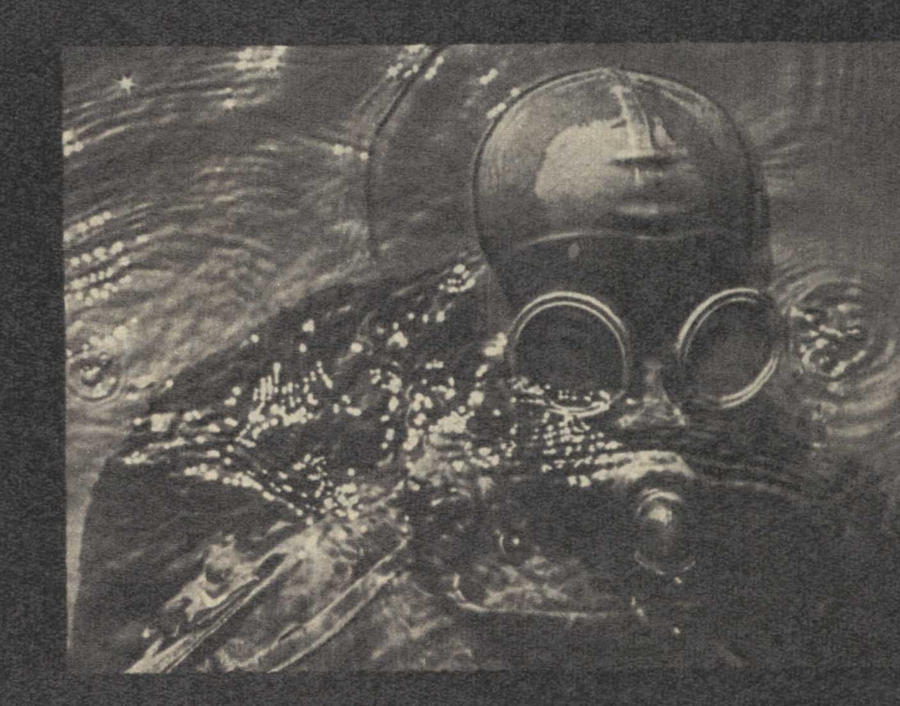

162
УДАРНАЯ С

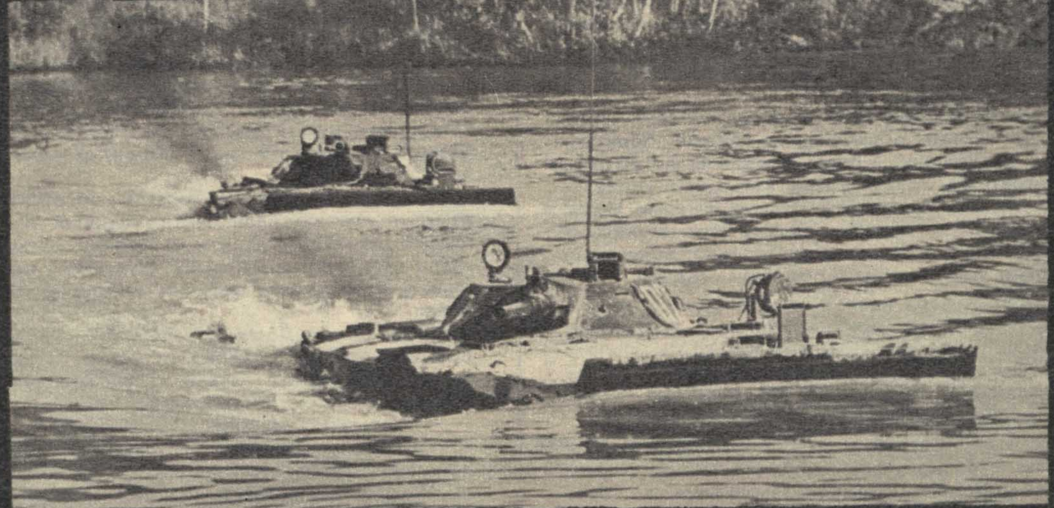
Танкисты в лагере.

Идет учение.

Танкист гвардии рядовой Владимир Иванов на занятиях по легководолазной подготовке.

Форсирование реки.

ИЛА

А. ГОЛИКОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

12 сентября — День танкистов

На привале.

На письменном столе начальника Главного штаба Сухопутных войск генерал-полковника Владимира Захаровича Якушина стоит маленькая модель танка — знаменитой «тридцатьчетверки». Во время Великой Отечественной войны Владимир Захарович командовал танковой ротой, потом батальоном. Дважды был ранен и вновь возвращался на фронт. После войны он закончил Академию бронетанковых войск, а затем Академию Генерального штаба.

— Успех в современном бою,— говорит генерал-полковник,— обеспечивается совместными и согласованными действиями мотопехоты, артиллерии, танков, авиации и других средств. Каждое из них решает присущую его боевым возможностям задачу. Скажем, Ракетные войска и артиллерия наносят противнику огневое поражение. А танкам уже давно отводится роль главной ударной силы.

Помню, в сорок втором году под Воронежем наш батальон прорывал сильную немецкую оборону. Это было в районе Подклетное. Шли в атаку под сильнейшим артиллерийским огнем, под непрерывными ударами фашистской авиации... Конечно, несли потери, но про-

тивник не выдержал удара. Броневая защита, подвижность, высокая проходимость делают танк грозным оружием.

В последние десятилетия в ходе научно-технической революции все рода Сухопутных войск прошли этапы коренного изменения. Это был результат массового внедрения ядерного и ракетного оружия, освоения новых образцов военной техники и т. д. Тем не менее роль танковых войск не только не уменьшилась, а еще больше возросла. Современные танки могут совершать стремительные марш-броски на большие расстояния, гибко маневрировать на поле боя, в высоких темпах развивать наступление, стремительно преодолевать зоны заражения и успешно вести борьбу с любыми группировками сильного противника.

Уже первое появление на поле боя бронированных гусеничных машин, вооруженных пушками и пулеметами, вызвало пристальный интерес военной теории. После второй мировой войны мнение о роли и месте танка в бою неоднократно менялось. Появление ядерного оружия, возможность широкого применения его непосредственно на поле боя впервые поставили под сомнение эффективность танка.

Однако вскоре различные военные специалисты пришли к выводу, что именно танки наиболее устойчивы к воздействию поражающих факторов ядерного взрыва. Обладая при этом большой живучестью и подвижностью, они могут наилучшим образом использовать результаты ядерного удара.

Что касается советской военной науки, то она, как и раньше, отводит танкам роль главной ударной силы Сухопутных войск. Мы уверены, что в условиях маневренной войны без танков сражение не выиграешь. Танковые войска, обладая более высокими, чем в прошлом, боевыми свойствами, будут стремительно развивать наступление. Во взаимодействии с Ракетными войсками, авиацией, воздушными десантами и другими родами войск они в короткие сроки могут овладевать важными районами в глубоком тылу противника.

Современный танк способен поражать бронированные цели противника с большой дальности. Совершать длительные марши, преодолевать крутые подъемы и спуски, двигаться по бездорожью, форсировать значительные водные преграды. При этом танки постоянно совершенствуются, усиливается их броневая защита, повышается огневая мощь, совершенствуются приборы управления огнем. Особый упор делается на обеспечение высокой вероятности поражения целей на больших дальностях.

Говоря о советских танковых войсках, нельзя не сказать о их личном составе. Ведь самые совершенные боевые машины могут быть эффективны только тогда, когда ими управляют умелые, преданные Родине, смелые люди. Офицеры и солдаты наших бронетанковых войск прекрасно знают свое дело, физически крепки, беспредельно преданы Родине.

Для примера назову Гвардейскую танковую Кантемировскую ордена Ленина краснознаменную дивизию. Прошлой зимой на учениях ее подразделения показали высокие темпы наступления, а наступать приходилось по глубокому снегу в сорокаградусные морозы.

На целине есть совхоз «Кантемировец». Двадцать с лишним лет назад его основали уволенные в запас воины-кантемировцы. И сейчас между совхозом и дивизией существуют прочные связи. Происходит своеобразное соревнование, в котором совхоз обязуется больше вырастить и убрать хлеба, а воины — служить на «отлично», быть отличниками боевой и политической подготовки. Совхоз всегда с радостью принимает к себе демобилизованных танкистов. Ведь тот, кто проходит службу в танковых войсках, приобретает специальность, нужную в народном хозяйстве.

В заключение,— говорит генерал-полковник,— хочется напомнить слова Леонида Ильича Брежнева, произнесенные на XXV съезде партии: «Юноши приходят в солдатскую семью, не имея жизненной школы. Но возвращаются они из армии уже людьми, прошедшими школу выдержки и дисциплины, получившими технические, профессиональные знания и политическую подготовку».

Служба в танковых войсках — хорошая школа жизни.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗВОН

Л. КОРОБОВА

Фото М. САВИНА.

— От первых стеклянных бус, найденных в гробницах фараонов, до нынешних кувшинов из хрусталя нас отделяют три с половиной тысячи лет. За это время стекло достигло особой красоты: человек добавил в него окись свинца, и оно заискрилось, заблестело, как драгоценный камень.

Так начал свой рассказ о хрустале Евграф Сергеевич Шувалов, главный художник на Дятьковском хрустальном заводе, автор 350 работ. Маленький, спрятанный в брянских лесах городок Дятьково — его родина. Тут Шувалов учился, отсюда пошел на фронт...

Мы встретились с заслуженным художником РСФСР Евграфом Сергеевичем Шуваловым на территории Дятьковского хрустального завода, где под крышей старенького дома, на самом верху, разместился оригинальный музей. Большая вытянутая комната с низкими потолками кажется очень тесной — пять тысяч экспонатов! Мы осторожно ступаем по скрипучим половицам, боясь задеть старинный подсвечник или хрустальные кубки для победителей матча сильнейших теннисистов СССР — США. Кубки необычной формы, не похожие на традиционные, выполнены молодыми художниками Зинаидой Чумаковой и Михаилом Кизловым — учениками Шувалова.

— Первый хрусталь в Дятькове начали варить в конце XVIII века,— продолжает он.— Промышленник Мальцов скупил земли в округе и открыл производство.— Художник задерживается у стенда с мальцовскими изделиями.— Дятьковский хрусталь скоро стал известен всей России и по красоте своей не уступал французскому «баккара».

Но настоящая слава к брянскому хрусталю и стеклу пришла в последние десять — пятнадцать лет: двадцать девять стран покупают продукцию Дятьковского завода; в Англии, Франции и Японии особенно полюбились вазы и салатницы. Англия, как сказали нам на заводе, стала их главным заказчиком. Первая поставка отечественного хрусталя в США — декоративные блюда — была тоже отсюда, из Дятькова. Начиная с 1968 года завод участвовал в тридцати семи международных ярмарках и выставках: в Торонто, Брюсселе, Париже, Рейкьявике, а еще раньше, с 1950 года, стал участником всесоюзных художественных выставок декоративно-прикладного искусства.

Нина Михайловна Зяблова, которую называют хранительницей музея, семнадцать лет и администратор, и лектор, и научный сотрудник, идет рядом с нами. Она понимает, почему художник задерживается у первых своих работ: это не только встреча с юностью. В стекле и хрустале запечатлены знаменательные события жизни нашей страны. Вот большой хрустальный ключ — его подарили первому космонавту Земли Юрию Гагарину, вот ваза в форме величественного памятника — она посвящена брянским партизанам...

Из музея мы спускаемся в цех обработки. Вокруг сверкают тысячи маленьких хрустальных солнышек—ведь под разным углом нужно нанести на вазу или бокал десятки, сотни граней! Именно эти грани образуют оптический эффект, создают игру света.

Еще Лев Николаевич Толстой, посетивший когда-то завод, отмечал красоту мальцовских изделий. Когда в 1901 году великого писателя отлучили от церкви, дятьковские рабочие послали ему в подарок глыбу хрусталя с надписью: «Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века».

Дятьковские мастера известны и как обработчики стекла. Брянское стекло так же прекрасно и отличается от хрусталя лишь тем, что не звенит. На международной ярмарке в Чехословакии оно пользовалось большим успехом.

— Чешский художник Платек отметил особую эмоциональность и молодую силу советского художественного стекла,— замечает Евграф Сергеевич.

Мы снова вернулись в помещение, где хранилась до недавнего времени коллекция дятьковского хрусталя. Шувалов отбирает лучшие изделия для нового здания музея, которое построено по специальному проекту.

На фоне хрустального сияния выделялись декоративные цветные вазы разнообразных нежных оттенков и самых удивительных форм. Это новое, сульфидное, стекло. Его технология впервые разработана в нашей стране, а первые образцы из него сделал в Дятькове художник Виктор Шевченко. Сульфидное стекло по красоте своей соперничает с хрусталем, вазы из него похожи на прекрасные полевые цветы.

И вдруг старенький музей перестал казаться тесным: хрустальные звенящие стены с многоцветными, красочными переливами словно раздвинулись, устремились к лесу, полям, ко всей шири земли русской.

■

Заслуженный художник РСФСР Е. С. Шувалов. Слева и внизу его работы: набор «Звездный» и ваза. * Сын потомственных стеклодувов Сергей Кавалеров. * Ваза «Лето». Автор В. И. Котов.

ВОЙНА В ЛИВАНЕ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Дмитрий ВОЛЬСКИЙ

Почти полтора года — семнадцать месяцев — продолжается война в Ливане. 40 тысяч человек убито, многие десятки тысяч ранены и искалечены, почти половина трехмиллионного населения страны лишилась крова. Еще недавно нарядный и оживленный Бейрут на глазах превращается в груду развалин, стране нанесен материальный ущерб, для восстановления которого потребуются многие годы напряженной работы. Но не только в этом опасность ливанского конфликта. Как подчеркнул на днях палестинский еженедельник «Фалестын ас-Саура», его продолжение чревато возникновением новых конфликтов на Ближнем Востоке. И в самом деле, уже сегодня мы видим резкое обострение противоречий и споров между арабскими странами. Дошло до того, что можно насчитать не менее трех границ между ними, где — по одну сторону или по обе — концентрируются войска.

Очевидно, что заинтересованными в таком развитии событий могут быть только империалистические круги и их израильские союзники. Они давно пытаются отвлечь внимание арабских народов от борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, «переключить» их энергию на братоубийственные междоусобицы, а заодно и расправиться чужими руками с палестинским освободительным движением. Самому же Ливану, стране и без того небольшой, хотят навязать раздел на «мини-государства», которые, как кое-кто явно рассчитывает, не смогли бы эффективно отстаивать свою независимость.

Достоянием гласности стали уже многочисленные факты, свидетельствующие о прямом вмешательстве Израиля в ливанские дела. Блокада его военными судами морского побережья Ливана, поставки оружия отрядам правых сил, все более частые вторжения израильских солдат в южные районы страны, которые давно хочет оккупировать Тель-Авив,— все это не оставляет сомнений в том, кто раздувает ливанский пожар. Впрочем, правохристианские экстремисты и не скрывают, что опираются на Израиль. Но только ли на него? Известно, например, что в их отрядах появились английские и французские наемники, что американские дипломаты зачастили в новоявленную «столицу» правых — портовый городок Джунию, через который идет основной поток оружия для их отрядов. Так что круги НАТО уже не похожи на просто зрителей, наблюдающих из средиземноморского «партера» за развитием ливанской драмы...

Все это еще и еще раз говорит о том, сколь важно с точки зрения обеспечения прочного мира на Ближнем Востоке и в Средиземноморье добиться скорейшего прекращения кровопролития в Ливане. Именно к этому стремятся подлинные друзья арабских народов, что вновь подтвердило недавно опубликованное заявление Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. В нем, в частности, говорилось: «Советские люди активно поддерживают позицию ООП и ливанских национально-патриотических сил, выступающих за урегулирование ливанского кризиса без вмешательства извне, разделяют мнение мировой общественности о том, что для разрешения ливанского кризиса важное значение имел бы вывод сирийских войск из Ливана. Разумеется, нормализации обстановки в Ливане содействовало бы в значительной мере сотрудничество Сирии со своими естественными союзниками в антиимпериалистической борьбе — палестинским движением сопротивления и национально-патриотическими силами Ливана».

Есть ли практические возможности для восстановления такого сотрудничества? Ведь известно, что сирийские войска были введены в Ливан с официальной целью содействовать прекращению кровопролития, а привело это к обратным результатам: экспедиционные войска Сирии фактически поддержали формирования правых, руководство которых сочло выгодным начать эскалацию военных действий против палестинцев и национально-патриотических сил Ливана. Лидер одной из экстремистских христианских организаций заявил даже, что война продлится до тех пор, «пока последний палестинец не будет убит на ливанской земле».

Но именно такой опасный поворот событий и диктует с особой настоятельностью необходимость достижения единства всех освободительных сил арабского мира, и прежде всего возобновления сотрудничества Сирии с палестинским движением сопротивления и ливанскими патриотами. Объективных причин для розни между ними нет и не может быть. Напротив, ясно, что коренные чаяния арабских народов совпадают: все они заинтересованы в ликвидации последствий израильской агрессии, в установлении на Ближнем Востоке справедливого и прочного мира, в обеспечении условий для социально-экономического прогресса. А разве не в том же самом нуждается христианское население Ливана? Поджигательская линия реакционных лидеров, расправы над палестинцами вызывают у основной массы ливанских христиан растущее возмущение. И это понятно: христиане и мусульмане Ливана, сирийцы и палестинцы кровно нуждаются в прекращении междоусобицы, в восстановлении спокойствия. Другие арабские народы тоже не могут равнодушно взирать на муки Ливана — и из солидарности с его жителями и из собственных национальных интересов. Понятно поэтому настойчивое стремление арабской общественности обеспечить скорейшее урегулирование конфликта в Ливане. Усилия в этом направлении предпринимаются в рамках Лиги арабских стран и на других уровнях. Печать сообщает, что разрабатываются проекты соответствующих компромиссных документов.

Нельзя, разумеется, строить иллюзии. Сорвано уже более 50 соглашений о прекращении огня в Ливане. Империализм, израильские экспансионисты, арабская реакция считают, что продолжение войны им выгодно. Тем не менее препятствовать поискам взаимоприемлемого урегулирования становится все труднее. И чем раньше мир придет на ливанскую землю, тем лучше будет для всех народов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КУБОК У ТБИЛИСЦЕВ

Когда Кубок СССР по футболу был вручен тбилисским динамовцам, его передавали из рук в руки и каждый футболист, прежде чем передать его товарищу, целовал почетный трофей. Какая команда не мечтает о том, чтоб завоевать футбольный кубок! Но у тбилисских динамовцев было к нему особое отношение: шесть раз они выходили в финал и вот, наконец, добились желанной победы. Эта победа была достигнута в борьбе с двукратным обладателем кубка — командой «Арарат», одной из лучших команд страны, и это только увеличивало радость тбилисцев.

Итак, на цоколе Кубка СССР теперь будет выгравировано новое имя —«Динамо» Тбилиси.

Фото А. Бочинина

Хрустальное сияние. * Прибор для крюшона. * Ваза «Букет». Автор В. И. Котов. * Хрустальный набор «Юбилейный». Автор Е. С. Шувалов. * «Пугало». * Декоративные вазы «Метаморфоза». Автор В. Я. Шевченко. * Набор «Медовуха». Работа И. С. Колодина.

Шестнадцатилетним пареньком пришел в Свердловский городской аэроклуб студент строительного техникума Михаил Одинцов. Он и не подозревал тогда, что это только первый шаг, что вся его жизнь в дальнейшем будет связана с авиацией.

Через несколько лет он окончил военное авиационное училище. А когда грянула война, то уже на четвертый день младший лейтенант Михаил Одинцов вылетел на выполнение боевого задания. О том, как он воевал, свидетельствуют две Золотые Звезды Героя Советского Союза и многие ордена и медали, которыми он награжден.

В мирные дни он совершенствует свое боевое мастерство, заканчивает две военные академии. Ныне заслуженный военный летчик СССР, генерал-лейтенант авиации М. П. Одинцов находится на ответственной работе в Министерстве обороны СССР.

Ниже мы публикуем отрывок из его книги, в которой рассказывается о героизме наших летчиков в годы Великой Отечественной войны.

Михаил ОДИНЦОВ,
дважды Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант авиации

ТОГДА, В 42-м...

Вчера поезд увез на фронт последнее имущество и людей наземных служб полка. А сегодня уходил на запад и воздушный эшелон.

Осипов со своим звеном взлетел последним, и теперь их замыкающая четверка ИЛов, сделав прощальный круг над аэродромом, шла следом за виднеющейся впереди такой же группой. Слева от самолетов на зеленоватых холмах неторопливо проплыл город с белыми дымами из паровозных труб. А потом показалась железная дорога, вдоль которой им предстояло лететь. Железные ниточки рельсов вначале ушли на юг, а потом вернулись к самолетам, чтобы снова убежать в сторону. Они настойчиво прокладывали в хаосе холмов и ложбин наиболее удобный для поездов маршрут.

Осипов усмехнулся. Это тебе не в авиации: соединил на карте пункты вылета и прилета прямой линией и пошел. Ни ухабов, ни мостов — только сам не заблудись. Затем он посмотрел на компас, определил, над какой точкой должны быть самолеты, и нашел на местности нужный ориентир.

Сказал по радио:

— Пилоты, отметьте на карте место, где мы идем.

И вновь стал рассматривать землю, стараясь запомнить увиденное.

Вскоре впереди появился лесной массив, протянувшийся широкой полосой, а за ним — по-весеннему еще полноводная и задумчивая, тенью деревьев прикрытая река Цна. Под правым крылом остался Моршанск, и ландшафт внизу быстро приобрел другой характер. По берегам безымянных речушек и оврагов вытянулись рядами домов деревни, а сама земля выровнялась, и вскоре в степной дали показался аэродром.

Быстрая заправка — и снова в воздух. Теперь самолеты пошли на юго-запад: позади остались Липецк и Воронеж, потом промелькнул капризный, весь в замысловатых завитушках изгибов, открытый ветрам и солнцу Дон. Осипов снизил группу, прижал ее поближе к земле, чтобы незаметно подойти к месту посадки. У земли скорость полета стала виднее: навстречу мчались холмы, овраги, перелески, деревни с паутиной проселков. Потом почти неожиданно вырвалась из-за горизонта Касторная и конечный пункт перелета — фронтовой аэродром.

...Вечером Осипов собрал свое звено.

— Ну что, товарищи, устроились? Какие мысли одолевают?

— Устроились, командир,— за всех ответил Горбатов.— А мысли на фронте одни: не щи приехали хлебать, воевать надо. Только когда?

— Ну, когда воевать и где — нам скажут. Пролетели мы шестьсот километров и находимся на Брянском фронте. Наш полк вошел в состав штурмовой авиационной дивизии. Командир — полковник Горлов. Отступать теперь уже не будем: пора и совесть знать... Вот мы тут сидим и говорим. А под нами земля, на которой был фашист. Эти капониры и землянки построены руками русских людей под дулами немецких автоматов, а доски взяты с разрушенных или разобранных домов. Враг использовал наш лес для своего благополучия, оставил здешних людей без крова, многих лишил жизни.

Вот такие дела. Так что прошу помнить о том, что нам предстоит. Сейчас еще раз проверьте, все ли у вас в порядке. А завтра, с рассветом, готовьтесь к боевому вылету. Если нужды в этом не будет, то командир по очереди, звеньями разрешит облет района, чтобы мы могли приспособиться к ориентировке в условиях магнитной аномалии, когда компас не всегда будет другом в нашем деле.

Перед обедом командиру полка Наконечному самолетом связи доставили боевой приказ, а вместе с ним и фотопланшет большого немецкого аэродрома, расположенного на восточной окраине города. А позже, когда уже заканчивалась подготовка пилотов к вылету, на аэродром прибыл и командир дивизии с командиром истребительного полка, который обеспечивал штурмовиков прикрытием при проведении этой операции. Обговорили все вопросы взаимодействия с истребителями и зенитной артиллерией на линии фронта, расписали боевые группы и уточнили их задачи по фотопланшету.

...Рассвет застал Наконечного и его летчиков в кабинах самолетов. Но командир, испытывая желание как можно быстрее приступить к выполнению задания, заставлял себя ждать данных новой разведки аэродрома, на которую ушла пара ЛаГГ-3[1]. Кроме того, он осторожничал и выжидал, стремясь убедиться, что утреннего тумана не будет. Наконец стало известно, что немецкие самолеты пока на своих местах, погода хорошая, и аэродром ожил.

Первым на взлет пошел командир полка, за ним эскадрильи Русанова и Горохова. На земле из пилотов остался один Митрохин, заместитель командира полка. Он стоял на летном поле, и по взмаху его флажка уходил в воздух очередной ИЛ.

Последними взлетели пары Шубова и Осипова, которым предстояло выполнять задачу подавления зениток противника на вражеском аэродроме, а если будет угроза, то и сорвать первую атаку фашистских истребителей. Летчиков успокаивало то обстоятельство, что обеспечивающие прикрытие ЛаГГи должны были выйти на аэродром врага раньше штурмовиков на три-четыре минуты, чтобы отвлечь огонь зениток на себя и не допустить взлета фашистских истребителей.

Наконечный, верный своей старой тактике, вел полк в тыл врага на малой высоте. Двадцать ИЛов шли колонной четверок над поймой реки, стараясь как можно ниже прижаться к земле, чтобы не выдать себя.

Промелькнула под самолетами еще сонная линия фронта. Впереди курилась белым паром речка, виднелось пустынное шоссе. Низко стоящее над горизонтом солнце ярко светило летчикам в спину и прятало самолеты в своих лучах.

Сейчас успех решала внезапность. Надо было застать вражеские самолеты на аэродроме и выйти на него неожиданно.

Симметрию ударных четверок нарушали две задние пары Шубова и Осипова, которые шли по флангам последней группы, расширяя фронт построения полка на целых триста метров, отчего боевой порядок приобрел вид стрелы, летящей низко над землей.

Пока в воздухе было спокойно. Но вот в наушниках шлемофона послышался голос Наконечного:

— До цели три минуты. Начинаем разгон скорости.

Осипов дал мотору почти полные обороты и пошел в развороте с правой на левую сторону строя — это позволяло ему более тщательно рассмотреть, что делалось позади группы. В это же время пара Шубова пошла навстречу, пересекая его маршрут.

— Командир, сзади спокойно. Можно выполнять маневр.

— Добро. Смотреть внимательно. Справа под тридцать градусов аэродром, ориентируйтесь по разрывам зенитных снарядов. Бьют по нашим истребителям.

— Приготовились... Горка...

ИЛы, задрав носы и заваливаясь в правый разворот, пошли ввысь. Сверху поперек курса последней четверки, теперь уже справа налево, шел Шубов и скороговоркой докладывал:

— Матвей, у меня норма. За тобой никого.

— Хорошо, я пошел низом. Хвосты почищу.

Но за хвостами врага не было. Тогда Осипов, поглядев на ведомого, резко потянул свою пару вверх, чтобы самому выйти на высоту начала пикирования и в это время осмотреть землю, уточнить, где же зенитные батареи.

...Наконечный набрал триста метров и увидел аэродром. Все было как на фотоснимке, только перед взлетной полосой находилось несколько рулящих бомбардировщиков.

Враг еще не обнаружил наши самолеты.

— Последняя группа, какая высота?

— Командир, я двести десять,— ответил Горохов,— уже четыреста метров. Дотянем до шестисот.

— Добро, атака с шестисот. Разойдись по своим целям. Я пошел на взлетающих.

И в это время зенитчики увидели штурмовиков. «Эрликоны» сразу суматошно «замахали» своими снарядными трассами. Но было уже поздно. Симметрия копья распалась: четверки пошли по своим объектам. Еще мгновение, и поплавки фюзеляжей повернулись толстыми своими концами к земле: ИЛы начали свое грозное пикирование. Теперь каждый на земле, кто хотел жить, должен был пасть ниц и надеяться, что в него не попадет снаряд, пуля или бомба.

Осипов увидел-таки «свою» батарею и, положив пару на крыло, пошел на нее. Поймал в прицел левые орудия и ударил из пушек, пулеметов, ракетами. Выходя из атаки, посмотрел направо — ведомый рядом, и снова вверх.

— Шубов, ты где?

— Я на своей стороне. Не лезь на аэродром. Сейчас замедление кончится и бомбы будут рваться.

— Хорошо! Я только коротенький боевой и по аэродрому зайду, у меня еще бомбы целы.

— Давай, я тебя вижу.

В наушниках послышался голос Наконечного:

— Я — сотый, ухожу. Замыкающие и маленькие, я — сотый, ухожу.

— Понятно,— ответил Шубов.— Мы сейчас тут подчистим и тоже домой.

Выйдя на исходную позицию для атаки, Матвей Осипов увидел пару Шубова, которая прокладывала себе дорогу огнем и пикировала на дальнюю окраину аэродрома. Матвей быстро посмотрел вокруг: зениток и истребителей врага нет. Довернулся на пикировании. В прицеле — двухмоторный бомбардировщик с работающими двигателями. Вновь ударил из пушек, пулеметов и ракет. «Юнкерс» взорвался. Осипов вывел свой ИЛ из атаки над дымами взрывов и, когда нос самолета «уперся» в топливный склад севернее аэродрома, бросил серию соток.

Взглянул вправо, назад — ведомый на месте.

— Борис, уходим. Как ты?

— Уходим, уходим.

Он развернулся на солнце: аномалия отобрала у летчиков компас. Теперь солнце — и главный маскировщик и главный поводырь. Курс на него — это курс домой.

— Борис, ты меня видишь?.. Борис?

Сделал змейку вправо, влево...

Но увидеть пару Шубова Осипов уже не мог, потому что летели они в разные стороны: Осипов на восток, а Шубов на запад.

Шубову отвечать было некогда. Начав вывод из пикирования, он посмотрел вверх и сразу увидел слева идущих в его сторону цепочкой несколько пар «мессершмиттов».

Что делать? Развернуться вправо и подставить под удар свою спину? Собьют сразу.

— Володя, «шмитты»! Пойдем в лобовую, а потом посмотрим.

Глянул на ведомого. Тот качнул крыльями: «Понял».

Шубов добавил мотору мощности и пошел на немцев с набором высоты. Мгновение — и он, поймав самолет ведущего в прицел, дал длинную очередь из пушек.

Не попал. Немцы шарахнулись в разные стороны и вверх. Первый этап боя был выигран.

Шубов проскочил под истребителями и круто развернулся им в хвост. Но враги уже разобрались в обстановке и выше ИЛов стали в круг, чтобы каждому по очереди можно было идти в атаку.

Четыре пары фашистов наверху, а под ними только два наших самолета.

Шубов посмотрел на ведомого:

— Бензин, снаряды есть?

Самолет качнул крыльями.

«Что делать? Сейчас немцы разберутся и начнут бить. Надо уходить».

Быстро взглянул на землю: над фашистским аэродромом стоял сплошной дым, из которого вырывались вверх языки пламени. Удовлетворенно подумал: «Хорошо поработали».

И в это время пара «мессершмиттов», находящаяся за хвостом, свалилась в атаку. ИЛы сманеврировали, а когда немцы стали проскакивать вперед, Шубов поймал немецкий истребитель в прицел и нажал на гашетки. Пушки молчали. В атаку пошла вторая пара.

Борис быстро перезарядил пушки и пулеметы.

Атака пришлась на ведомого. ИЛ загорелся и, сменив сторону разворота, стал уходить к востоку, на лес.

Теперь уже Шубов оказался на месте ведомого и, закладывая немыслимые развороты, старался не дать бить горящий самолет товарища и себя.

Пушки и пулеметы по-прежнему молчали. Он перестал нажимать гашетки, понял, что боеприпасов нет, но этого нельзя было показать врагу. Маневрируя, бросаясь в атаку, он делал все, чтобы дать возможность ведомому отойти от аэродрома и сесть теперь уже где придется. Попало и самолету Шубова: очередь прошила фюзеляж и крыло.

Новая атака. Впереди сверкнул огненный шар: у напарника взорвался бензиновый бак. ИЛ ведомого, развалившись на две части, упал на землю. А Володя не выпрыгнул...

Шубов положил машину в крутой вираж над местом падения своего товарища. И как только перед носом самолета показалось солнце, резко вывел машину на прямую, прижал ее низко к земле и пошел на восток.

Выждал секунд тридцать. Быстро развернул самолет из стороны в сторону: сзади с дымком за хвостом шел один «Me-109» — догонял. Бой еще не был закончен.

Одна, вторая, третья атака. Немец стрелял экономно, короткими очередями. Знал, что если первыми снарядами не попал, остальные тоже пойдут впустую.

Шубов видел через бронестекло желтый мотор, видел, как немец водил носом самолета, уточняя прицеливание. Ждал, когда надо сманеврировать, но не успел. Вражеский огонь опередил его. Что-то стукнуло, звякнуло в самолете, прежде чем он вышел из-под прицела.

Промелькнула линия фронта, и немец отстал.

«Вот когда кончился бой»,— подумал Шубов и, сориентировавшись по солнцу, повернул самолет в сторону аэродрома. Жить пока еще можно. Шубов прикинул, сколько времени ударная группа была над аэродромом врага, и удивился. С подходом к цели и уходом от нее — не более полутора минут! А они с Осиповым оставались над целью около двух минут. Годы учебы и секунды атаки... Все знания, умение и ненависть к врагу были вложены в этот малюсенький отрезок войны.

А от вражеской очереди спасло его чудо: между головой и снарядом остался целым лишь последний из трех слоев бронестекла.

Шубов подошел к своему аэродрому, быстро оглядел его и отметил, что все самолеты на своих местах. Не будет только одного — Володиного.

После посадки к капониру подъехал на полуторке майор Митрохин, не торопясь, вылез из кабины и стал молча осматривать самолет. Обошел вокруг, потом спросил:

— А где ведомый?

— Товарищ майор! Во время воздушного боя ведомый был подожжен, самолет взорвался в воздухе.

— Да-а... Садись в кузов. Поедем объясняться...

Разговор у командира полка закончился быстро. Шубов на листочке бумаги нарисовал все, что он делал в воздухе, рассказал, как был сбит ведомый.

— Зачем же ты полез парой в эту волчью стаю?

— Товарищ командир! Если бы я повернулся к ним сразу спиной, было бы хуже не только мне, но и Осипову и всему полку. Я думаю, они после нашей атаки просто обалдели от неожиданности и все восемь остались при мне.

— Похоже на то,— откликнулся Наконечный.— Значит, говоришь, ведомый твой наверняка погиб?

— Жаль, но так... Я же рядом был. А взрыв

[1] ЛаГГ-3 — истребитель Лавочкина.

случился на высоте метров двадцать. Тут ничего не сделаешь.

— Ладно. В вину мы это тебе не ставим. Можешь идти...

— Комиссар, а ведь прав Шубов. Если бы не его разумная дерзость, то могли бы и нас догнать.

— Могли. Мне думается, Шубов выскочил живым только потому, что немцы от жадности торопились и при атаках мешали друг другу. А когда поняли это, он уже уходил. Вот почему и послали вдогонку одного, чтобы сподручней было добить.

— Начальник штаба! Этот эпизод в донесение. Посмотрим контрольный фотопланшет. Если налет получился хороший, а я в этом уверен, то через денек представим Шубова к ордену. Нет возражений? Митрохин, разбор боевого вылета вечером. А сейчас первую эскадрилью в готовность к новому вылету, второй эскадрилье отдыхать...

Весна и на фронтовых землях полностью вступила в свои права. Но летчики мало видели на полях яркой зелени озимых, да и свежая пахота тоже была нечастой. По обе стороны земля пустовала: или пахать было некому, или нельзя.

На фронте наступило затишье.

Май принес долгожданную весть — части Красной Армии под Харьковом перешли в наступление.

Затишье кончилось. И не только в районе боев, но и на Брянском фронте. Воздушная разведка стала докладывать о том, что немецкие войска по шоссейным и железным дорогам устремились к Харькову.

Вскоре полковник Горлов получил приказ перебазировать дивизию на Юго-Западный фронт, в район Валуйки — Купянск. Как раз в этом направлении сейчас велись самые активные боевые действия.

День на подготовку — и к вечеру на юг ушли эшелоны, а вслед за ними и самолеты.

Летчиков и техников разместили невдалеке от аэродрома, на первом этаже школы. Днем на втором и третьем этажах занимались дети, а вечером приезжали на короткий отдых военные — никто друг другу не мешал.

Уже поздно вечером Матвей решил умыться на ночь и не торопясь вышел в коридор. У наружной двери, на тумбочке, горела большая керосиновая лампа, а на стуле сидела какая-то женщина с книгой в руках. Услышав шаги, женщина подняла голову, и Осипова словно кто в грудь толкнул. Он остановился и почувствовал себя неловко, потому что был без гимнастерки. На Матвея внимательно и выжидающе смотрели огромные голубые глаза, из-за которых он не видел лица. Однако он понял, что это очень молоденькая девушка, может быть, его ровесница. Преодолев смущение, он сделал еще несколько шагов.

— Здравствуйте! А вы что, будете нас ночью охранять?

— Нет. Охраняют красноармейцы с винтовками, но они на улице. А я здесь слежу за порядком. Вот вы все уснете, а я буду убираться, воды принесу.

— Понятно. Давайте знакомиться. Матвей Осипов, летчик.

Девушка улыбнулась.

— А я Светлана. Только я еще никто.

— Как никто?

— Ну, понимаете, у меня еще профессии нет. В этом бы году уже десять классов закончила, а тут был фронт. Страх что творилось! Да и сейчас бомбят все время.

— Теперь вот наши наступают. Так что на следующую зиму опять можно будет учиться.

— Хорошо бы.

— А вы, я вижу, не верите?

— Почему же. Верю. Но теперь я пошла работать в БАО[1]. А дальше видно будет.

Матвею не хотелось уходить, но он понимал, что пора поздняя.

— Светлана, а когда кончается ваша смена?

— Завтра вечером.

— Если мы успеем приехать с аэродрома, можно, я вас провожу домой?

— Как-то непривычно. Меня, кроме мальчиков из нашей школы, никогда никто не провожал.

— А я и есть мальчик из вашей школы! Мы же здесь живем!

Они засмеялись. Оба были довольны удачным ответом.

— Матвей, идите спать. А то ведь вам вставать рано.

— Хорошо. Спокойного дежурства, Светлана.

— А вам спокойной ночи.

Матвей повернулся и пошел. Он чувствовал, что вслед ему смотрят огромные голубые глаза. Матвею хотелось оглянуться, но он сдержал себя.

Провожающий взгляд Светланы заставил его подтянуться, расправить плечи. Сейчас бы отчеканить строевым, да жаль, спят товарищи...

Полку Наконечного выпала тяжелая доля: в условиях превосходства сил врага на земле и в воздухе надо было помочь выстоять и вырваться из окружения своей пехоте, вместе с артиллеристами и танкистами остановить новую лавину немецких танков, для которых здесь, в степи, везде была дорога.

Сегодня, в первом вылете, Наконечный сам повел летчиков в бой. Перед ним на много километров вокруг, словно море, расстилалась степь, на которой островами были разбросаны населенные пункты. Эскадрилья, построившись пеленгом, шла на малой высоте, а где-то выше, в лучах жаркого солнца, шли истребители прикрытия. Видели они штурмовиков или нет, но старания Наконечного отыскать их ничего не дали: или солнце мешало, или были они далеко. Командир понял, что от такого прикрытия пользы будет мало, надо рассчитывать на собственные силы. Хорошо, если бы эти ЛаГГи пришли в район цели своевременно и взяли на себя часть заградительного огня и «мессершмиттов».

Впереди показалась дымная линия фронта, за ней пыльные ленты дорог, забитые вражескими войсками. Немцы начали стрелять, и капитан отвернул группу чуть дальше от дорог. Эти колонны являлись сейчас только запасной целью. Ему нужно было выйти на переправу. Но вот на ровном степном горизонте стал вырастать пенистый зеленый вал леса — показался правый высокий берег Северского Донца, а потом заблестела и сама река. Это и был его рубеж атаки.

— Я сотый, приготовились. Впереди река, сейчас пойдем на юг.

Он прикинул, откуда примерно должны начинаться виденные им дороги с войсками, и, не доходя до реки три-четыре километра, повел группу вдоль восточного берега. Посмотрел вокруг — нет ли близко врага в воздухе, а потом еще раз проверил, как идут за ним его подчиненные: Осипов, как и раньше, рядом слева, а правее со звеном — Русанов, заместитель на этот полет. Показалась цель — переправа. Наконечный снял бомбовооружение и РСы[2] с предохранителя, облизнул губы и, качнув самолет с крыла на крыло, начал доворот на мост. Надо было набрать немного высоты, чтобы вести огонь из пушек и РС, а затем сбросить бомбы.

ИЛы уже находились в развороте, когда Наконечный увидел, как с берегов у моста поднялась пыль. Стреляли, наверное, в них, но из чего — не было видно. Он вывел самолет в направлении моста и, хотя вражеская батарея была еще за пределами огня, дал по ней длинную очередь из пушек — сигнал для группы о начале психической атаки на зенитчиков. Еще раз охватил взглядом переправу, танки на ней, берега реки, по которым прыгали огненные зайчики от выстрелов, и стал наводить самолет на левый обрез моста, чтобы дать место для прицеливания идущим справа. Подождал, пока подошла расчетная дальность сброса бомб, и быстро нажал кнопку.

— Я сотый, еще заход!

Прижал машину поближе к земле, чтобы быстрее выйти из зенитного огня. Посмотрел влево — ведомый на месте, вправо — одного не хватало. Значит, остался над переправой.

— Я сотый, семь секунд прошло. Бомбы взорвались. Разворот на мост!

И начал разворот, рассчитывая пойти в атаку метров с трехсот.

Мост сначала появился сбоку, а потом и по курсу. У восточного берега понтонов не было. Бомбы сделали свое дело. Решил РСами бить целые понтоны.

— Я сотый, эрэсы по мосту, и уход!

И сам пошел в пикирование. Но в это время в самолет попало что-то тяжелое. Наконечный успел понять, что его ударило по голове, а потом в прицеле пропали и река и мост. Он подумал, что это от удара потемнело в глазах или сам зажмурился, и напряг все мышцы лица, чтобы поднять веки. Слепота прошла. Наконечный еще не осмыслил происходящего, как молнией сверкнула мысль: «Вращает! Надо прыгать!..» Но тут земля приняла его в свои объятия...

Осипов видел в прицеле мост и краем глаза, справа, самолет командира. Видел, что по ним били эрликоновские пушки. Направил машину на них, дал длинную очередь и пустил два РС. Вновь быстро повернул на мост, но командира не было на месте. И вдруг заметил под собой падающую стальную птицу без крыла. Нервный спазм сжал горло.

Матвей помнил, что сзади справа идет звено Русанова, и положил машину в левый крутой вираж, чтобы окончательно убедиться в том, что произошло. Теперь для него никакой огонь с земли не существовал. И когда его самолет развернулся на обратный курс, Матвей сразу увидел место гибели своего командира.

С восточного берега реки по нему стреляли. Проглотив слюну и комок в горле, он вновь повернул на вражескую батарею. Две длинные очереди из пушек и пулеметов, залп четырьмя РС — и зенитки замолчали.

Осипов вышел из атаки, дал мотору полные обороты, потом форсаж и, опустив машину почти на самую землю, стал догонять Русанова. Впереди показалась дорога с войсками на ней. Поддернул машину вверх, набрал сто метров высоты и снова к земле. В прицеле большой грузовик с пушкой на прицепе. Сжал зубы до боли в челюстях. Ударил из четырех стволов — и на земле полыхнул взрыв. «Кровь за кровь. За око — два ока. И так будет до последнего захватчика на нашей земле...»

Митрохин, закончив разбор боевых действий за день, вместе с комиссаром, начальником штаба и летчиками отправился на ужин. Шли без обычного смеха и шуток. Было тихо и в столовой. Когда сели за столы, четыре прибора оказались свободными.

Митрохин встал:

— Товарищи, мы сегодня прожили тяжелый день войны. Не все сейчас здесь с нами. Нет и командира полка капитана Наконечного. И хотя мы солдаты и труд наш кровавый — к этому не привыкают. Мне и вам тяжело. Еще раз почтим память погибших...

Матвей сегодня впервые выпил фронтовые сто граммов, выпил потому, что так делали все на поминках. Водка была теплая и противная, как горькое лекарство. И когда в голове появилась какая-то тяжесть, обратился к Русанову:

— Товарищ командир, а мне все же думается, что нашего капитана не эрликоны сбили.

— А кто же?

Летчики за столом насторожились.

— Ну, теперь в нас здесь все стреляют, даже из винтовок и автоматов. Степь, как стол. Нас на бреющем за десять, а то и пятнадцать километров видно.

— Конечно, постреливают, только попасть очень трудно.

— Трудно, но можно. Не эрликоновский же снаряд крыло оторвал! А ведь ни на первом, ни на втором заходе крупной зенитки я не заметил. Разрывы были только эрликоновские.

— Ну, могли и не видеть их.

— Мог. Но когда я на обратный курс над переправой развернулся, то и за вами ничего подозрительного не обнаружил.

— Может, эрликон в бомбы или снарядный ящик попал, и это вызвало взрыв.

— Да нет, ничего такого не было заметно.

— Тогда почему крыло оторвалось по самый фюзеляж?

— Может, и дикий случай, но, кажется, из танка в самолет болванкой бронебойной попали.

— Домысел твой, Осипов, конечно, лихой, только опровергнуть его я не могу, а ты доказать не в силах. На войне всякое бывает.

[1] БАО — батальон аэродромного обслуживания.

[2] РС — реактивные снаряды калибра 82 мм.

Закончим этот разговор. А подумать над ним стоит.

И, обращаясь к остальным, сказал:

— Давайте есть, ужин остывает. Конечно, после всего случившегося жевать трудно, а надо. Ведь завтра будет новый день. Нужны и новые силы...

Уже стемнело, но Светлана была еще в школе. Дежурство давно закончилось, а она не торопилась домой. Светлана не хотела себе признаться, что ждет Матвея. Ей почему-то было тревожно. Из боевого полета не все возвращаются. До этих совсем молоденьких и смешливых парней уже был один полк, от которого никого не осталось. А теперь прилетели новые летчики. Что-то с ними будет?

Матвей быстро умылся, переоделся. Он выскочил на крыльцо, но девушки не увидел и снова вернулся в школу. Светлана стояла около дежурной комнаты и о чем-то говорила со своей сменщицей. Осипов обрадовался, сердце зачастило в груди. Светлана посмотрела на него. И опять Матвей потерял ее лицо, кроме глаз, ничего не видел. Он не стал мешать. Вышел на крыльцо, закурил и сел на ступеньку. Все вокруг замерло в вечерней мгле. Потом в тишине послышался звук работающих моторов, и Матвей определил, что идет «юнкерс». Поднял лицо к почерневшему небу, на котором уже зажглись звездочки, но самолета не нашел. И тут за спиной послышался стук каблучков, через ступени лег белый квадрат света и в нем — человеческая тень. Дверь закрылась, и темень еще больше сгустилась, но Матвей сразу узнал девушку. Она стояла, привыкая к темноте.

— Светлана, здравствуйте.

— Матвей, вы?

— Да.

— Вот теперь вижу.

— Светлана, можно мне проводить вас?

— Может быть, уже поздно? Вам ведь опять рано вставать.

— Ничего. Я быстренько посплю — и на аэродром.

— Ну хорошо.— В голосе была слышна улыбка.— Я живу недалеко, так что быстро вернетесь, не заблудитесь.

— А я не боюсь.

— Не надо обижаться, я это просто так... Идемте.

В небе снова возник звук летящего на восток самолета.

— Это уже второй. Бомбить идут.

— А немцы тут почти каждый вечер бомбят.

— Свирепствуют...

Осипову было приятно идти рядом с ней. Он слышал свои шаги. Светлана же бесшумно ставила ногу на землю, и у него появилось ощущение ее воздушности. Темнота позволяла видеть только силуэт, и это еще больше усиливало возникшее представление.

— Светлана, можно, я вас буду называть Светой?

— А зачем?

— Как-то короче и, наверное, лучше.

— Пусть будет по-вашему... Мне показалось, сегодня вы все какие-то очень грустные.

— Загрустишь, если командир полка погиб... И не он один.

— Какое несчастье!.. Мой папа и брат тоже где-то воюют. Мы так боимся с мамой... И когда все это кончится?

— Не скоро еще. Немец опять начал наступление. Вам бы с мамой лучше уйти отсюда.

— Она не хочет, а я теперь на службе. Говорит: «В своей хате буду своего мужа и сына ждать. Будь что будет».

Светлана взяла Матвея за руку.

— Скажите, а вам страшно там?

Матвей не ожидал такого вопроса, до этого не ставил его перед собой и теперь думал: как же все выглядит на деле? Что он ощущает? Ему захотелось самому разобраться во всем и ответить честно, без бравады.

Светлана, видимо, поняла его затруднение, отпустила руку Матвея и молча шла рядом.

— Света! Может, я и не все в этом понимаю правильно, но, наверное, надо ответить так. Когда получаешь задание на вылет, всегда волнуешься. А в воздухе и над целью — работаешь, с тобой опыт и ненависть к врагу: если ты его не убьешь — он убьет тебя. В это время бояться некогда. Потом, после полета, когда останешься наедине с собой и начинаешь вновь вспоминать вылет или бой, то бывает и страшно до озноба и по спине мурашки ползают. Иногда во сне воюешь, и тут тоже бывает не до смеха: на тебя нападают, а ты из-под атаки никак не вывернешься и маневрируешь до того, что устанешь, а проснуться не можешь. Вот тут уж по-настоящему страшно бывает, даже вспотеешь.

Какое-то время шли молча. Стал слышен прерывистый гул еще одного немецкого бомбардировщика. Где-то южнее в небе бесшумно шевелились щупальца прожекторов. Их безмолвные лучи были пусты и холодны. Вверху для них не было никакой опоры, и они бесследно исчезали в вышине.

— Спасибо за правду, Матвей. Наверное, на войне у всех так...

Светлана остановилась.

— Вот наша хата.

— Жаль, что так быстро...— Осипов огляделся.— А домик-то ваш совсем рядом со станцией. Не очень хорошо.

— А у нас погреб есть... Ну, идите, вам спать надо. Спокойной ночи.

— И вам спокойной ночи...

Наступление немецких войск продолжалось. Теперь переправы уже не являлись основными целями: главные силы врага находились на восточном берегу реки, и нужно было бить их, пока они шли к линии фронта.

Сразу с рассветом на разведку вражеских колонн с одновременной их штурмовкой ушли шесть ИЛов во главе с комэском Гороховым. Все летчики ждали результатов этого вылета, чтобы, получив свежие сведения о противнике, вновь обрушить на него свой огонь.

Расчетное время полета кончилось, а группа с задания еще не возвратилась. Митрохин нервничал, но старался не показывать виду. Командиры групп, находящиеся у комполка, боролись с волнением каждый по-своему: Русанов играл сам с собой в шахматы, Маслов уткнулся в карту обстановки и старательно ее изучал. Тишина накалялась растущей тревогой. Долгое молчание оказалось не под силу начальнику штаба. Он встал из-за стола с телефонами и закурил.

— Товарищ командир, разрешите, я позвоню в дивизию, а потом доберусь и до истребителей.

— Потерпи еще минут пять. Бензин пока есть.

И когда казалось, что уже все кончено, через открытую дверь землянки проник звук приближающегося самолета.

Митрохин, а за ним и остальные выскочили наружу: ИЛ заходил на посадку.

Штурмовик был далеко, но Сергеев сбегал за биноклем и сказал:

— Двадцать пятый бортовой. Шубов пришел.

После посадки летчик, видимо, сразу выключил мотор. Самолет, коснувшись земли, как обычно, тремя точками и пробежав немного, сделал попытку «пойти на нос», но потом хвост вновь опустился на землю, и пробег закончился.

Сергеев, глядя в бинокль, прокомментировал:

— Оба колеса разбиты, и машина в пробоинах. Видать, непросто было домой добраться.

Митрохин и командиры полезли в зеленокамуфляжную обшарпанную «эмку», а по аэродрому, опережая их, уже бежали люди. Пока ехали, Шубов открыл фонарь и сел на край кабины. Он снял шлемофон, но, увидев машину командира полка, опять надел его и спрыгнул на землю.

— Товарищ командир, лейтенант...

— Хорошо. Где остальные?

— Нет остальных. Я один.

— Как нет?

И тут Борис сорвался на крик:

— Разве это истребители! Так прикрывают?! Мы сами по себе, они сами по себе!..

— Подожди, Шубов, успокойся. Что, всех сбили?

— Нет, я пока живой.

— На покури и помолчи. Приедем — расскажешь толком... Инженер, машину убрать, осмотреть. Людей с поля по местам...

На командном пункте Шубов доложил:

— Сначала мы пошли к Волчанску. Командир выбрал колонну погуще, и мы сбросили бомбы. Направление движения колонн не как несколько дней назад: не на юг и юго-восток, а на восток, в направлении на Валуйки. Линия фронта уже изменилась: немцы сбили наших с позиций... После бомбежки пошли на юг, в сторону Чугуева. Здесь на нас набросились «мессершмитты», наверное, более двадцати штук, и началось...

— Подожди. Давай сначала наземную обстановку.

— А больше я ничего на земле не видел, не до этого было.

— Майор Сергеев, передайте разведданные. Теперь, Шубов, все о вылете: от встречи с истребителями прикрытия и до возвращения домой.

— Пришли к ним на аэродром. Взлетела шестерка, показалась нам. Поговорили с командиром по радио. Ну и отправились на задание. А дальше все по-старому: чем ближе линия фронта, тем ЛаГГи лезут все выше. Мы ползем животами по земле, а они парят в поднебесье. Линия фронта, а они кричат: «Потеряли вас, горбатые, дайте свой маршрут!» Командир им передал, а они в ответ: «Идти с вами не можем, ведем бой с немцами». Пойди разберись. Ведь они с нами еще ни одного совместного боя не провели. Конечно, наверху воевать легче. Нам надо высоту полета поднимать: им будет виднее, а нам легче маневрировать. Все равно тут в степи на бреющем от врага не спрячешься.

— Ну, это уже теория. Давай о вылете.

— Когда развернулись на юг, успели атаковать эрэсами еще одну колонну. Командир увидел немецких истребителей вовремя. Дал команду сначала на уход, а когда они нас начали догонять, то построил группу в круг. Только шесть самолетов для этого мало. Все время находишься в крутом вираже, чтобы видеть хвост впереди идущего. Как отвлекся на атаку по немцу, сразу оборона нарушается, а они этим и пользуются: тут же другая пара бьет твоего подопечного. Много было немцев, и за каждым не усмотришь. У них тактика простая: идут парами в атаку сразу на несколько самолетов, мы защищаем друг друга. Но не поймешь, кто из них делает ложную атаку, чтобы тебя за собой утянуть, а другая пара в это время бьет. Вертелись как белки в колесе, но, когда двух сбили, круг стал невозможен. Вначале между нами связь была, потом от вибрации при стрельбе настройка приемников и передатчиков ушла, а снова настроиться на волну уже не было времени. Отбивались и на виражах и лобовыми атаками, ходили змейкой и ножницами. Не поймешь, где командир, а где подчиненный. Бортовой номер не увидишь — далеко друг от друга. Крутились долго, пока я один остался. Думал, если не убьют, то упаду у них без горючего. Но вот выбрался. Что я там выделывал, сейчас мне трудно представить. Как сам уцелел, пока еще не пойму.

— Ну хорошо. Только вас били, или и вы сдачи давали?

— Видел двух сбитых «шмиттов», и одного еще я, наверное, срезал. Видел, что попал: пух с него посыпался. А куда он делся, смотреть было некогда.

— Начальник штаба, донесение оформить. Я сейчас о безобразном поведении истребителей буду говорить с командиром дивизии. Но они тоже не его подчиненные. Наверное, нельзя их обвинять в коллективной трусости. Это, вероятнее всего, неумение и непонимание нашей тактики. Однако нам от этого не легче, и выход надо искать.

Вошел инженер.

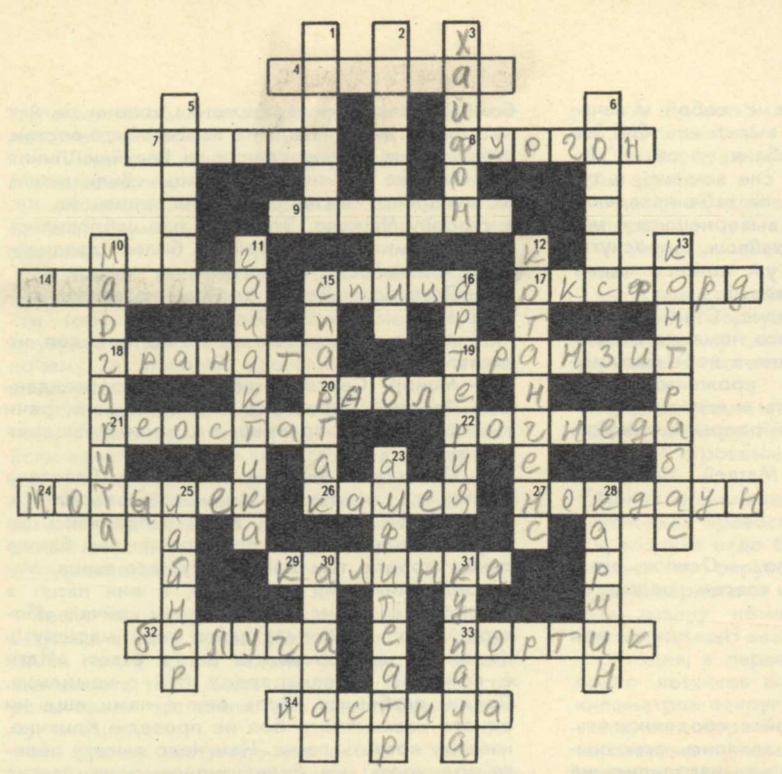
— Что с самолетом?

— Крылья, фюзеляж и винт избиты до такого состояния, что ремонтировать нельзя. Цела только бронекоробка [1].

— Понятно. Вот это машина! В другой не было бы и Шубова... Командиры, отправляйтесь сейчас к себе в эскадрильи. Русанову разобрать с летчиками бой и обстановку. И побеседуйте по вопросам, которые затронул Шубов. Но сами понимаете: мнение — мнением, а закон — законом. Мне думается, время подошло к тому, чтобы нам, начальникам, определиться и сказать свое слово. Как, комиссар?

Продолжение следует.

[1] На ИЛе броней защищен летчик, мотор и бензобаки.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Вершина Главного Кавказского хребта. 7. Птица. 8. Крытая повозка. 9. Река на Памире. 14. Советская балерина. 15. Часть колеса. 17. Старинный университетский город в Великобритании. 18. Разрывной снаряд. 19. Доставка багажа без перегрузок на промежуточных станциях. 20. Автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». 21. Аппарат для регулирования напряжения в электрической цепи. 22. Опера А. Н. Серова. 24. Небольшая бабочка. 26. Резной камень. 27. Термин в боксе. 29. Русская народная песня. 32. Рыба семейства осетровых. 33. Галерея перед входом в здание. 34. Кондитерское изделие.

По вертикали: 1. Южное дерево. 2. Пьеса Л. М. Леонова. 3. Порт в Социалистической Республике Вьетнам. 5. Настольная игра. 6. Типографский шрифт. 10. Персонаж трагедии Гете «Фауст». 11. Звездная система. 12. Тригонометрическая функция. 13. Смычковый инструмент. 15. Балет А. И. Хачатуряна. 16. Кровеносный сосуд. 23. Места в зрительном зале. 25. Многоместный пассажирский самолет. 28. Ярко-красная краска. 30. Приток Енисея. 31. Народный поэт Белоруссии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 4. «Чародейка». 6. Термометр. 10. «Кандида». 13. Инерция. 14. Рубанок. 15. Плотина. 17. Слобода. 18. Тире. 19. Тигр. 22. Сторона. 23. Громова. 24. Пенжина. 26. Миранда. 27. Ракетка. 29. Кулинария. 30. Циклотрон.

По вертикали: 1. Сталевар. 2. Гудрон. 3. Ракитник. 5. Кадмий. 7. Карбон. 8. Лаборатория. 9. Широконоска. 11. Абонемент. 12. Аннотация. 16. Астра. 17. Струг. 20. Коканд. 21. Доцент. 24. Парусина. 25. Архипова. 28. Анчоус.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Анатолий Шкаруба, машинист экскаватора. (См. в номере очерк «Галактика КАТЭК».)
Фото Ю. Лушина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Приютино. Гостевой флигель и постамент солнечных часов. * Один из залов музея. * И. А. Крылов. Работа неизвестного художника. * Бюро и настольные часы, принадлежавшие семье Олениных. * П. А. Оленин. Акварель К. Брюллова. * Памятник Н. Оленину в приютинском парке. * Пруд в Приютине. * Портрет военного. Работа П. Оленина. (См. в номере статью Л. Тимофеева «Гостеприимная Приютинская сень...»)
Фото И. Нарovлянского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 23/VIII—1976 г. А 00708. Подп. к печ. 7/IX—1976 г. Формат 70×108⅟₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2052. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2708.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Необъятный книжный мир...

Д
КНИ

Михаил
АЛЕКСАНДРОВ
Фото
Э. ЭТТИНГЕРА

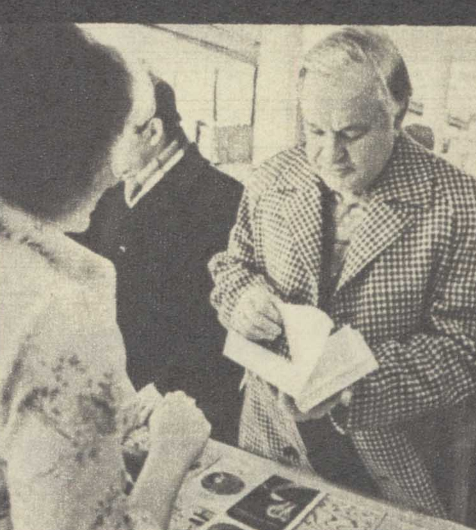
ОМ

ГИ

Народный артист СССР Н. О. Гриценко — большой книголюб.

Сюда частенько заходят питомцы Московского университета.

Работу магазина проверяет начальник отдела культуры Госплана РСФСР А. В. Рыжов.

Читатель сказок.

Московский Дом книги. Необычайно популярен этот крупнейший в Европе книжный магазин.

Наша страна — самая читающая в мире. Под стать и этот дом. Все в нем масштабно, крупно. До сорока тысяч названий предлагают покупателям продавцы. Издания по всем областям современных знаний. Книжки и книжицы. Триста пятьдесят продавцов, товароведов, библиографов и тридцать тысяч покупателей в день.

Указатели и радиоинформация ведут вас за руку по необъятному книжному миру, не давая заблудиться. Ну а если хочется купить что-нибудь такое, что понадобилось только вам, «свою» книгу?

— Нашему боевому командиру исполняется семьдесят лет. Мы, его бывшие однополчане, задумали ему подарить книгу военно-мемуарного жанра...

— Мы — из Бюро молодежного международного туризма. Срочно нужны книги о Москве...

— Приобрел бы книгу по истории искусств. И, если можно, на французском языке...

— Мы у вас купили каталог запасных частей к автомобилю «Жигули», нельзя ли купить такой же к машине «Москвич» последнего выпуска?..

Это все вопросы, услышанные нами в справочно-библиографическом отделе, что на втором этаже магазина. Его называют здесь «мозговым центром». Шестьсот справок в день! Не считая телефонных. Иная крупная библиотека могла бы позавидовать богатству сведений о книгах, собранных тут в одиннадцати каталогах.

Многие хотят заранее, уже сегодня знать, что нового появится на прилавках в ближайшее время.

— Что выйдет интересного по вопросам педагогики?

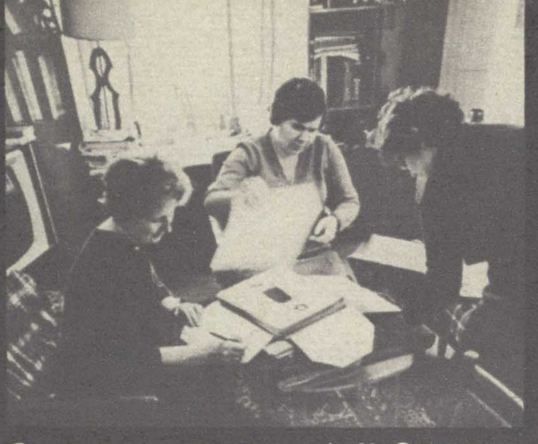
— Ожидается ли переиздание якутского эпоса?

— Хотелось бы приобрести что-то новое о геологии...

Таким тут предложат издательские планы, посоветуют познакомиться с ними или скажут: «Заполните бланк предварительного заказа».

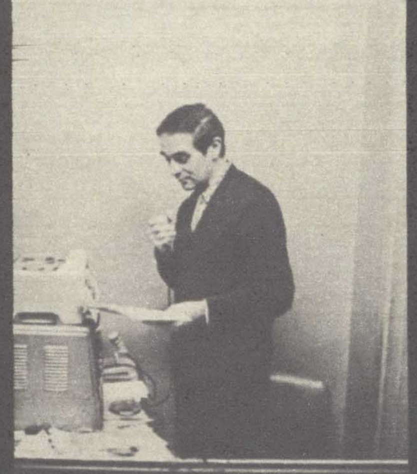
— Четыреста тысяч таких предварительных заявок в год проходит через наш магазин,— рассказывает директор Дома книги Тамара Владимировна Вишнякова.— Я не новичок в книготорговом деле, а иной раз диву даешься, какими темпами растет у нас спрос на книгу! Честно говоря, не позавидуешь бумажникам и книгоиздателям, их заботам. Самые крупные тиражи, которые еще совсем недавно представились бы фантастическими, уже не удовлетворяют теперь в полной мере потребности читателей. Да вот, судите сами: в 1968 году, вскоре после того, как открылся наш Дом, мы продали книг на один миллион девятьсот тысяч рублей. А сейчас — около семи миллионов... План на девятую пятилетку нам был дан — тридцать один миллион рублей, казалось бы, немало. Но и этот план оказался перевыполненным. Не сдадим позиций и в новом пятилетии.

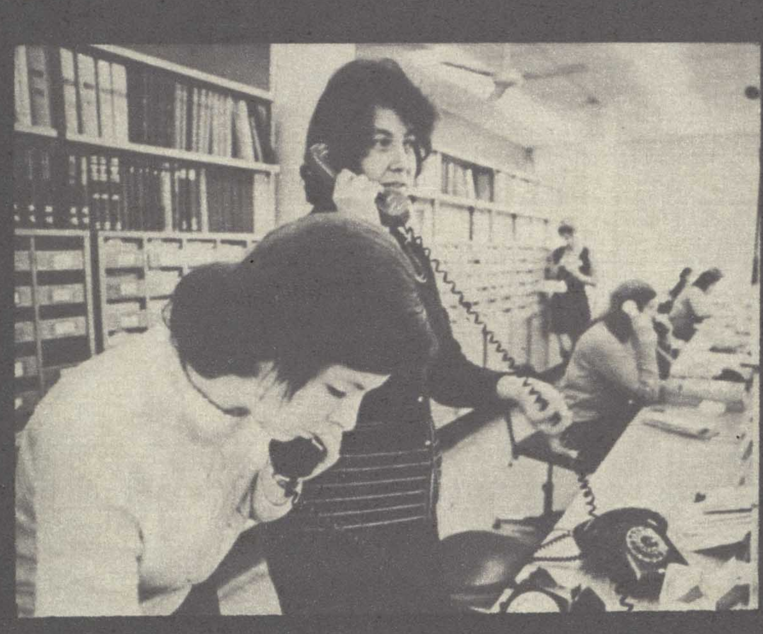
Заведующая отделом А. К. Смирнова и товаровед Л. В. Тимошкина закупают букинистические книги и на дому.

Директор Московского Дома книги Т. В. Вишнякова.

Ф. Рыков, старший товаровед по рекламе, сообщает по внутреннему радио о поступивших новинках.

Около сотни справок в час дает местное справочное бюро.

В ожидании хозяйки.

— Однако бывает и так, что приходится отвечать покупателю «нет»?— спрашиваем мы Тамару Владимировну.

— Не любим мы этого холодного слова... Бывает, конечно, что отвечаем так. Особенно, когда речь идет о беллетристике, о поэзии, о классике, о новинках современной литературы. Огорчаются покупатели. Но как быть? Стараемся делать все от нас зависящее, чтобы слово «нет» звучало лишь в крайнем случае, чтобы человек, пришедший к нам за книгой, не ушел с пустыми руками. Требуем от продавцов чуткости и внимания к покупателю. Коллектив у нас хороший. В основном молодежь, люди со средним специальным и высшим образованием. В нашем Доме продавец, я уж не говорю о товароведах, библиографах, должен обладать отличным знанием книг. Он ведь не просто продавец, но и консультант. И в какой-то мере психолог. Можно просто сказать «нет», но ведь можно и должно поговорить с покупателем, записать название книги, которой сейчас почему-либо нет на полке, а записав, попросить зайти, скажем, через недельку и не забыть о своем обещании помочь: отложить экземпляр, когда в магазин придет новая партия издания. Или позвонить в другой магазин, узнать там о нужной книге. Многое можно при желании сделать! Смотришь, и человек ушел с хорошим настроением, с сознанием, что встретился с друзьями...

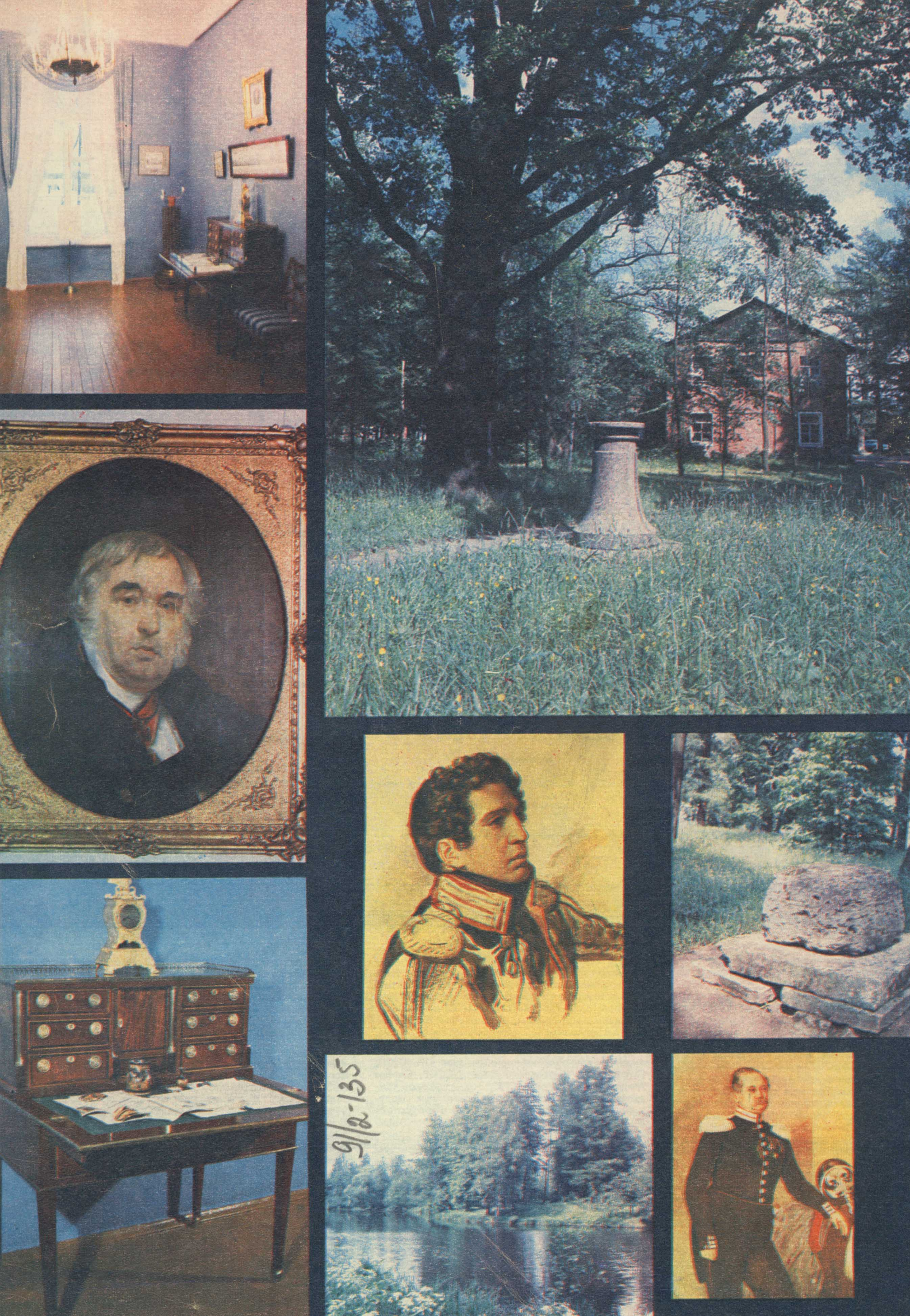
В служебном кабинете Т. Вишняковой мы видели Почетный юбилейный знак ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. Это — высокое свидетельство успехов в социалистическом соревновании! И немалое значение в этом успехе имеет, видимо, та атмосфера сердечности, внимания, которая царит в магазине.

...Мама привела в отдел детской литературы малыша. У мальчишки глаза разбежались. Да вот беда — читать он еще не научился... «Постой,— говорит малышу девушка-продавец,— а пластинка «Чебурашка» у тебя есть? Пластинка сама все расскажет, и никого не надо просить, чтобы почитали...»

...В отделе антикварных изданий склонился над прилавком пожилой человек, старательно разыскивающий что-нибудь такое, редкостное, чего еще нет в его книжном собрании. Продавец достает с полки два или три массивных фолианта в кожаных переплетах: «Взгляните: думается, это то, о чем вы говорили в прошлый раз...»

...Рабочий день магазина. Рамки его не ограничиваются прилавками и торговыми залами. Есть здесь небольшой уютный конференц-зал, место постоянных встреч книголюбов, их деятельный клуб. Раз в неделю, по средам, тут устраиваются встречи покупателей-книголюбов с прозаиками, поэтами, журналистами. Композиторы-песенники показывают свои новинки, ответственные работники издательств знакомят с тематическими планами, внимательно прислушиваются к пожеланиям тех, кому адресованы эти планы.

Дом книги работает без выходных дней, без обеденных перерывов. Так удобнее покупателям... А этому, удобству покупателей, тут все подчинено.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663